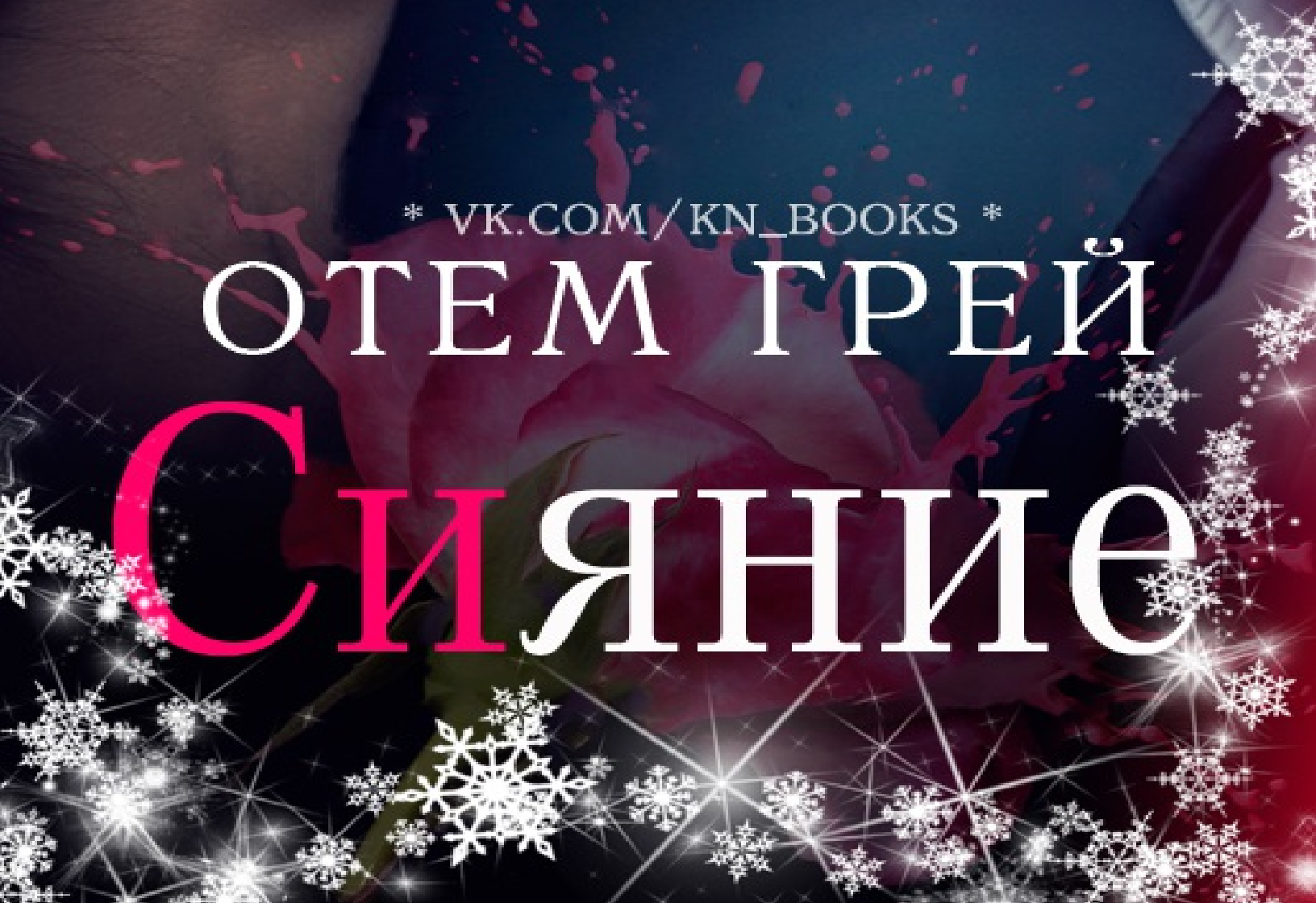

* VK.COM/KN_BOOKS *

ОТЕМ ГРЕЙ

Сияние

Ремингтон и Селена из серии книг «Опустошение» заняты сменой подгузников и могут себе позволить только десятисекундный перерыв. Но, кажется, дела могут наладиться...

Селена

Черт возьми!

Мне бы давно следовало привыкнуть к этому, но я прихожу к выводу, что привыкнуть к Ремингтону просто невозможно. Его непоколебимое стремление удовлетворить меня не знает границ. Даже сейчас, когда нас в любой момент могут прервать, он аккуратно вводит в меня свой член. Он дразнит меня, вынуждая выгибать спину от потребности и желания. Он прижимается губами к моей шее, целует меня, нежно покусывает зубами кожу, а затем ласкает ее, этим только усиливая ощущения. Мое тело испытывает одновременно и удовольствие, и боль.

Последние пару месяцев, когда я привыкала быть женой и матерью, оказались до безумия хлопотными. С самого медового месяца у нас с Ремингтоном почти не было времени для нас двоих. Я не в силах расстаться с Хоуп. Мы провели два дня в Ницце, а Люк — брат Ремингтона — забрал Адриана в Монте-Карло, чтобы лучше узнать племянника. Но с тех пор наша сексуальная жизнь ограничивается сорванными украдкой поцелуями и десятисекундным сексом в перерывах между сменой подгузников и вытиранием отрыжки. Адриан наконец-то привык к тому, что в семье появился новый маленький человечек. Поначалу было нелегко, но в итоге он смягчился к Хоуп Эстелле.

Сегодня я проснулась от прикосновения губ Ремингтона к моей коже, его руки путешествовали по моему телу, и он шептал мне всякие пошлости этим своим греховным ртом.

— Почти Рождество, — бормочет он, погружаясь в меня на пару сантиметров.

— Да? — ахаю я и вдавливаю ногти ему в спину, когда он прикусывает мочку моего уха, а затем втягивает ее в рот и медленно посасывает. Что вообще общего между Рождеством и сексом?

— Хочу, чтобы ты запомнила, какой сегодня день, — поясняет он, и его голос звучит хрипло и сексуально.

— Клянусь, я сейчас переверну тебя на спину и сама тебя возьму, если ты не трахнешь меня сию же секунду, Ремингтон.

Он хохочет, его всего трясет от смеха, и член погружается внутрь еще на один сантиметр. Я приподнимаю бедра, верхняя часть бедер дрожит и мое тело жаждет соединиться с его.

В последнее время у нас никак не получается насладиться друг другом. Мне не хватает тех спокойных моментов, когда мы подолгу изучаем тела друг друга, а позже, после изысканной пытки ласками, награждаем друг друга оргазмом, от которого сердце готово остановиться. С того дня, как мы привезли Хоуп Эстеллу из больницы, нам ни разу не удалось вот так побаловать друг друга. Адриан назначил себя телохранителем Хоуп. Он влетает в нашу спальню в любое время, чтобы сообщить, что его сестричка проснулась или хочет есть. Нет, я не жалуясь. Эти двое детишек — лучшее, что могло случиться со мной за всю мою жизнь. Адриан, Хоуп Эстелла и Ремингтон — моя жизнь. Они наполняют ее смыслом, как ничто другое.

— Помнишь, куда спрятала все подарки на Рождество?

Скользнув руками вниз, я обхватываю его ягодичы и сжимаю их, а затем драматично вздыхаю.

— Почему мы сейчас вообще говорим о Рождестве? Я знаю гораздо более удачное применение твоему языку.

— *Боже мой*, ты хоть представляешь, насколько возбуждающей становишься, когда ведешь себя властно? — он легонько касается моих губ, затем посасывает нижнюю своими губами. — Я просто предупреждаю, потому что когда мы закончим, ты ничего не сможешь вспомнить вообще. Обхвати меня ногами.

Я делаю, как он велит, и стону, когда он пристраивается поверх меня. Это пытка.

Руками Ремингтон скользит вверх-вниз по моему телу, лениво, но уверенно, поглаживает мои груди, словно впереди у него тысяча лет и он может спокойно мучать меня своими обжигающими прикосновениями.

— Ремингтон, — шепчу я, боясь, что если произнесу его имя громче, то все закончится тем, что я прокричу его и разбужу Адриана и, вполне возможно, соседей тоже.

Он прокладывает дорожку из поцелуев вверх, ладонью обхватывает мою правую грудь и большим пальцем дразнит сосок.

— Что, *ma belle*?

— Я больше не могу терпеть.

Он перекатывает сосок между кончиков пальцев и легонько сжимает его, отчего сладкая боль распространяется по всему телу.

— Нет, ты можешь, и ты вытерпишь, — рычит он. — Прошло уже так много времени с тех пор, как у меня была возможность вот так наслаждаться тобой. Я собираюсь грубо взять тебя, Селена. Буду трахать тебя от сегодня и до самого Рождества. А затем подтолкну к краю кровати и отвешаю тебя, а ты будешь наблюдать за мной. Будешь наблюдать, как я трахаю тебя языком. Ты даже не представляешь, насколько сильно эта мысль меня заводит. Хочешь этого, красавица моя?

Я быстро киваю, мои бедра сжимаются, когда я представляю все пошлые подробности того, что он только что описал мне.

Он что-то делает языком между моим плечом и шеей, затем утыкается туда носом. Я вздрагиваю, в груди становится жарко, а затем жар опускает вниз, туда, где мои ноги обхватываю его бедра. Пятками я еще сильнее впиваюсь ему в зад.

— О, мой Бог. Дьявол. Мне этого так не хватало.

Где-то в доме раздается странный стук. Я замираю, пытаюсь уловить еще хоть один звук.

— Что это был за шум? — спрашиваю я, и мое сердце бешено бьется в груди.

В доме тихо. Единственный звук, раздающийся в комнате — наше прерывистое дыхание и шум крови в ушах.

— Что такое? — спрашивает Ремингтон, глядя на меня, и нахмуривается. — Думаешь, Хоуп наконец-то выбралась из колыбельки? Кажется, я слышу топот ее маленьких ножек по коридору, — его глаза сверкают, когда он смотрит на меня, а бедра прижимаются к моим так крепко, словно это может помочь ему усмирить смех.

От нарисованной им картинки с моих губ срывается хихиканье.

— Ты ужасен, — бормочу я сквозь смех.

Он, наконец-то, прекращает сдерживаться и широко улыбается, тем самым посылая новую волну жара между моих ног. Ох, Божечки. Одной его улыбки достаточно, чтобы я

кончила.

Я качаю головой и расслабляюсь под телом своего мужа, но не до конца. Мозг подталкивает меня встать с кровати и пойти узнать в чем дело, но я борюсь с желанием сделать это. У меня наконец-то начало получаться бороться с порывами каждые несколько секунд бежать проверять как дела у Адриана и Хоуп.

— Мне показалось, что я что-то слышала. Который час? — я поворачиваю голову набок, чтобы проверить, который час, и краем глаза вижу нашу свадебную фотографию в самодельной деревянной рамке, стоящую на прикроватной тумбочке.

Но прежде чем мой взгляд добирается до часов, Ремингтон обхватывает своей большой ладонью мой подбородок, одновременно с этим запускает вторую руку мне в волосы и тянет их.

— Время расслабиться. Успокойся. Прежде чем наши дети проснутся, у меня есть время побаловать мою красавицу-жену, мать этих самых детей, и, вместо наших обычных коротких переписов, подарить чертовски великолепный оргазм, который ты еще долго не сможешь забыть.

Он двигает бедрами вперед, и я впиваюсь зубами в нижнюю губу.

— Боже, Ремингтон, просто... сильнее. Я так скучала по этому.

— Черт возьми! — он выходит из меня, передвигает поудобнее и раздвигает мои ноги еще шире — его движения плохо скоординированы и слишком быстры — снова устраивается у меня между ног и врывается в меня. — *Боже мой. Люблю тебя, Селена.*

— АААХХХХХ! Ремингтон... *я тоже люблю тебя, Ремингтон,* — шепчу я, обхватывая ногами его бедра и вжимая пятки ему в поясницу. Он стонет, его зеленые глаза кажутся почти черными от желания. Ремингтон наклоняется и прижимается своим ртом к моему, целует меня, и мое тело вспыхивает от его прикосновений, его поцелуев. От его страсти. — Ты мне нужен.

Включается радио-няня, и я слышу на линии крошечный вопль. Ремингтон утыкается головой в изгиб моей шеи, прерывисто дышит и шепчет:

— Держись крепче, *ma belle*. Похоже, все снова свелось к быстрому перепису.

Одной рукой он крепче обхватывает меня, а второй свободной зажимает мои волосы в кулаке, оттягивает мою голову назад и наклоняется надо мной.

— Где там твои губы, Селена?

И я подчиняюсь. Он помогает мне, обхватывая подбородок рукой, поворачивая мое лицо так, чтобы наши рты крепко соприкоснулись. Требовательный поцелуй. Сильный, как будто это не он провел прошлую ночь, целуя меня, занимаясь любовью с моим ртом, а в конце трахая меня так, будто выполнял сверхважную задачу.

— Мы кончим вместе, *да?* — бормочет он мне в губы.

— Поторопись. Не думаю, что продержусь долго.

— Вместе, — рычит он, и моя киска еще сильнее сжимает его член. Ремингтон утыкается лицом в ложбинку у моей шеи и стонет.

Он двигает бедрами еще быстрее, погружая член все глубже и глубже, его руки вокруг меня сжимаются. Радио-няня снова потрескивает и на линии слышится голос Адриана, пытающегося нежно успокоить свою сестричку. Он всегда первым прибегает в ее комнату. Я понимаю, что он ворвется в нашу спальню в любую секунду, чтобы сообщить, что Хоуп проснулась.

— Сейчас, — снова рычит Ремингтон.

За закрытыми глазами все белеет, а затем взрывается фейерверком разных красок. Мы оба сильно кончаем, так что под нами трясется кровать.

— Нам нужно какое-то время провести только вдвоем, — бормочет он охрипшим голосом. Ремингтон поворачивает голову к моей шее и проводит по ней языком, а после оставляет там поцелуй. — Завтра, в канун Рождества, приезжает мама на ужин. Она присмотрит за детьми, и тогда мы сможем побыть вдвоем.

— Что? — спрашиваю я и блаженство, которое испытывала несколько секунд назад, сменяется паникой. От мысли, что я разлучусь с Хоуп даже на минуту, сердце в груди сжимается от ужаса. Дыхание быстрыми рывками вырывается из груди. У меня не было панических атак с того случая в Провансе, но теперь я чувствую ее приближение. Понимаю, что это чрезмерная реакция с моей стороны, но мозг, кажется, не в состоянии переварить эту информацию. — Мы не можем оставить ее. Она еще слишком маленькая.

Ремингтон скатывается с меня и крепко обнимает, прижав спиной к своей груди, повторяя мою позу. Он натягивает простыню нам на плечи, затем начинает поглаживать меня по руке вверх-вниз, успокаивая.

— Делай глубокие вдохи, Селена, — настойчиво и вместе с тем мягко требует он.

Я делаю, как он говорит, вторя его дыханию, тому, как вздымается и опускается его грудная клетка. Когда я успокаиваюсь в достаточной степени, чтобы говорить, я переворачиваюсь и обхватываю ладонями его лицо.

— Спасибо. Прости, что отреагировала столь бурно.

Он поднимает голову, прижимается губами к моему виску и смотрит на меня нежным и теплым взглядом.

— Ей уже почти восемь месяцев.

— Знаю. Но все равно, — я потираю глаза, гадая, не покажется ли вопиющим, если я озвучу свои страхи. — Я никак не могу прекратить представлять себе все те ужасные вещи, которые могут произойти с ней, пока меня нет рядом.

Меня бросает в дрожь, и я теснее прижимаюсь к Ремингтону. По каким-то причинам демоны прошлого не отпускают меня. Мне не хочется жить так, вечно бояться, что что-нибудь произойдет.

— Хорошо, — в итоге шепчу я, а затем повторяю громче, — хорошо, малыш. Давай сделаем это, — я поднимаю голову и смотрю в эти красивые зеленые глаза, принадлежащие моему мужу. — Я должна перебороть это. Не хочу закончить свои дни в психушке из-за того, что боюсь своей собственной тени. Мы с тобой проведем некоторое время только вдвоем — ты и я, мистер.

Он улыбается мне, демонстрируя свои невероятно сексуальные ямочки.

— Я все организую как можно быстрее. Воспользуюсь своим ртом, чтобы с...

— Папа! — в нашу комнату врывается Адриан, запрыгивает на кровать и вскарабкивается отцу на колени. — Папа! Мама! Хоупи проснулась и воняет. Фу! Думаю, она обкакалась. И знаете что? Дядя Люк внизу тоже. Прямо под елочкой, — он улыбается нам, в его зеленых глазках сверкает веселье и что-то напоминающее предвкушение.

Мы с Ремингтоном обмениваемся взглядами.

— Под елочкой? — уточняю я.

Адриан кивает.

— Он спит. И храпит.

— Разве Люк и Дом не должны были приехать завтра вечером? — озвучиваю я вслух

свои мысли, ни к кому конкретно не обращаясь, а затем поворачиваю голову, чтобы взглянуть на календарь, висящий над тумбочкой.

Двадцать второе декабря.

Да уж. Слишком рано. Дом с друзьями уехал кататься на лыжах в Кицбюэль, поэтому мы ждали обоих братьев не раньше, чем завтра к обеду. (*Примеч. пер. Кицбюэль — старинный австрийский город-курорт горнолыжной направленности в Тироле*).

Я и раньше видела, как Люк посещает вечеринки. Его можно назвать королем вечеринок, но даже при всем при этом, он ни разу не напивался до такой степени, чтобы развалиться на полу. Должно быть что-то не так.

— Пойду проверю как он.

— Может быть, он хотел стать Санта Клаусом в этом году, но уснул, да? — с надеждой в голосе озвучивает предположение Адриан.

Ремингтон хмыкает.

— Еще слишком рано для Санты, — у Адриана вытягивается лицо. Ремингтон кашляет и спрашивает: — На нем красный костюм и шапка?

Адриан качает головой и хмурится.

Я хватаю халат со стула и сажусь, одной рукой прикрывая простыней грудь. Пальцы Ремингтона, обхватывающие меня за бедро, напрягаются. Предупреждение. Я оборачиваюсь посмотреть на него, но его глаза прикованы к сыну. Его губы изгибаются, и я догадываюсь, что он старается подавить улыбку.

— Адриан, пригляди за дядей Люком, *хорошо*? Мы спустимся вниз через минутку. Проследи, чтобы он не перевернул елочку.

Адриан округляет глаза и решительно сжимает губы. Он так ждал, чтобы провести это Рождество целой семьей, и теперь твердо намерен защищать деревце. Он целует Ремингтона и меня в щеку, затем спрыгивает с кровати и мчится к двери, готовый приступить к выполнению задачи. На пороге он притормаживает, поворачивается и смотрит своими огромными зелеными глазами сначала на нас, а затем в направлении комнаты Хоуп Эстеллы и снова обратно на нас. Он едва заметно хмурит бровки и поджимает губки, словно пытается решить сложную задачу.

— Я проверю Хоуп, — обещает Ремингтон, понимая затруднение сына.

Успокоенный словами отца, Адриан вылетает за дверь и в коридоре слышится топот его маленьких ножек, а затем он скачет по лестнице, как любой шестилетний мальчишка.

— Ангелочек, — тихо произношу я, падая обратно на кровать и закрывая глаза, впитывая всепоглощающую любовь, которую испытываю к этому мужчине, мальчику и девочке в моей жизни.

Ремингтон молчит. Я открываю глаза, и наши взгляды встречаются — он смотрит на меня с теплотой. Наклонившись и проведя губами по моим губам, он отстраняется и говорит:

— Спасибо.

— За что?

— За то, что сделала меня счастливейшим из мужчин на Земле.

Ремингтон

Я спускаюсь на первый этаж, держа на руках свою дочь, которая теребит воротник моей футболки. Ей удалось оттянуть его, зажать в своем маленьком кулачке и теперь она целеустремленно грызет его. Но Хоуп разочарованно кряхтит, когда не достигает желаемого и это не помогает ей унять зуд в деснах, она наклоняет свою крошечную головку и начинает теребить футболку еще усерднее.

Я целую ее волосики и бормочу:

— *Моя красавица малышка*, — и глажу ее по спинке, отчего она как обычно успокаивается и утыкается головкой в изгиб моей шеи.

Адриан сидит на диванчике рядом с рождественской елкой: локти на коленках, руками зажал голову и внимательно смотрит на пол прямо перед собой. Я подхожу ближе, и в поле моего зрения попадает то, что он изучает. На полу распластался Люк: одна рука закинута под голову, вторая лежит на полу. Вокруг него валяются елочные иголки, указывая на ущерб, который он нанес во время своего падения, и доказывая, что, очевидно, у него не получилось встать и он остался лежать на полу. На подбородке и руках у него синяки и небольшие порезы.

Боже мой, с ним все в порядке? Он дышит? Я достаю из кармана телефон, намереваясь вызвать скорую. Но тут Люк издает такой громкий храп, что Адриан заливается безудержным смехом.

Я закатываю глаза, стараясь подавить улыбку, и убираю телефон обратно в карман.

Рубашка Люка измята, джинсы на коленях порваны. Его ноги... Черт! Его обувь в грязи. Опускаю голову и следую взглядом по следам из грязи и воды на полу — снег с улицы, который уже успел растаять. Одна его нога буквально в нескольких сантиметрах от вертепа, установленного на небольшом постаменте, который мы соорудили под широкими окнами. Сейчас я в состоянии представить себе, как будет выглядеть лицо Адриана, когда все наши старания снова превратятся в деревяшки и сено, если мой братец пошевелит ногой.

Твою. Мать.

Я делаю два шага и оказываюсь перед Люком.

— Папа? — осторожно зовет меня Адриан.

Не глядя на него, я прошу:

— Последишь за лестницей? Кричи, если увидишь, что мама спускается вниз.

Я должен что-то предпринять прежде, чем Селена увидит нынешнее состояние полов после того, как она так усердно убиралась вчера.

— *Хорошо*, — он вскакивает, тянет мою руку вниз, чтобы он мог поцеловать Хоуп в щеку и взъерошить ей волосы, затем выбегает из комнаты. Я слышу, как он тихо крадется, приближаясь к холлу.

Я же приседаю на корточки, стараясь удержать равновесие с Хоуп на одной руке, и свободной рукой трясу брата за плечо.

— Люк, — сухо зову я.

Мой идиот-братец даже не шевелится. Точнее, его храп становится даже громче,

напугав Хоуп. Она вздрагивает и, развернувшись, в течение трех секунд смотрит на своего дядю, убирает руки от моего лица и начинает визжать. Ее карие глаза, так похожие на глаза ее матери, сверкают от восторга.

Я хмыкаю.

— Тебе это нравится, *да*? Эти ужасающие звуки, исходящие от твоего дяди Люка не пугают тебя?

Сладко захихикав и заворковав, она тянет ручки к Люку. Слышу, как в комнату вбегает Адриан, который не упустил из виду ни одно мое движение. Он останавливается возле меня.

— Мама жутко разозлится, — он тычет пальчиком на грязные следы на полу. — Может нам вылить на него холодной воды? Уверен, что это поможет разбудить его.

Я перевожу взгляд на своего сына, который смотрит на Люка так, будто решает самое сложное в мире математическое уравнение, и пытаюсь подавить улыбку.

— Думаешь, это сработает? — спрашиваю я его.

Он пожимает плечами.

— Я как-то видел по телеку. Мальчик рассказывал, как надо будить. Стоит попытаться.

Я дважды прочищаю горло, мне с трудом удается не расплыться в улыбке. Адриан смотрит на меня.

— Но не очень красиво поступать так с кем-то.

Он встает, переводит взгляд с Люка на диван и вздыхает.

— Можешь перенести его на диван?

Я качаю головой.

У него вытягивается лицо, затем он пожимает плечами.

— У меня больше нет вариантов. Придется воспользоваться водой, папа.

Откуда-то из-за наших спин я слышу сдавленный смех. Я почувствовал ее еще до того, как повернулся; до меня доносится аромат ее парфюма и мой собственный запах на ней еще прежде чем она делает шаг в нашу сторону. Чувство, которое всегда появляется у меня в груди, расцветает, когда я поворачиваюсь к ней лицом. Я забываю, что пытался разбудить Люка, забываю о грязи на полу, когда все мои мысли, взгляды и тело сосредотачиваются на красивой женщине с шикарной фигурой, которая, покачивая бедрами, приближается ко мне.

Моя жена.

Моя чертовски красивая жена.

Внезапно меня хватают за ухо и больно дергают, затем следует вскрик, прерывая мое созерцание Селены. Хоуп извивается у меня на руках, ворча, как всегда, когда она хочет есть.

Селена смеется.

— Боже, опять это ворчание. Яблочко недалеко от яблоньки упало, *да*? — остановившись возле меня, она наклоняется, чтобы провести ладонью по кудрявым волосикам нашей дочки и вкладывает в ее маленькие ручки кольцо для зубов, и только потом она замечает на полу Люка. — О, Господи! С ним все в порядке?

Нахмурившись, я смотрю на своего брата, и чувство беспокойства снова охватывает меня.

— Возьми малышку. Я помогу ему встать.

Секунды две Селена смотрит на меня, но что бы она ни увидела в выражении моего лица, она качает головой.

— Иди покорми ее. А я разберусь с твоим братом.

— Нет. Ты держи Хоуп. А я разберусь с этой задницей.

— Следи за языком, малыш. И умерь это рычание. Волосы Адриана уже практически дымятся, — она поворачивается к Люку. — Я тебя знаю, Ремингтон. Ты, скорее всего, задушишь его в процессе.

Я сердито зыркаю на нее, затем на Люка. Она права. Селена меня уже изучила. Ей достаточно бросить на меня один взгляд, и она уже знает, о чем я думаю.

— Все в порядке, Ремингтон. Это просто грязь. Я уберу ее в два счета. Люк же, с другой стороны... Никогда не видела его в таком состоянии. Иди, малыш. Покорми детей.

Затем она тихо бормочет:

— Иисусе, сколько же он выпил? Целый бочонок самогона?

Я с трудом подавляю смешок, смягчающий раздражение, которое испытываю в данный момент.

То, что Люк вырубился на полу, не самый хороший знак. Должно быть, он был совершенно пьян, раз ему не удалось затащить свою задницу в гостевую спальню на втором этаже или одну из тех, что на первом. Только две вещи могут вынудить его выпить до такого состояния. Одна... это его машины. Люк любит свои машины со страстью, не имеющей себе равных. И единственное, что можно приравнять по важности к его игрушкам — женщины. Ему должна чертовски понравиться женщина, чтобы он напился до такого состояния. Единственный раз, когда я видел брата в подобном состоянии, случился три года назад, когда он проиграл гонку своему давнему сопернику.

Я слежу взглядом за рукой Селены, когда она осторожно касается руки Люка, и все внутренности сразу же напрягаются.

Дерьмо! Я никогда не привыкну к виду того, как она касается другого мужчины.

— Адриан, — мягко зову его я, жестом показывая следовать за мной на кухню, иначе, боюсь, я воспользуюсь его советом и просто плесну ледяной водой на брата.

Собрав все необходимое для завтрака детям, я хватаю высокий стульчик Хоуп и возвращаюсь в гостиную. Ни в коем случае я не намерен оставлять Селену наедине с Люком. Не собираюсь рисковать: вдруг он в своем состоянии опьянения выкинет что-нибудь, что причинит ей боль. Я доверяю ему, только когда он трезв.

А вот когда он пьян — совсем другое дело. Парень храпит под елкой, черт его подери, очевидно, пребывая не в курсе, где он находится.

Люк стонет, и слепо пошарив рукой по полу, натывается на ногу Селены. Его рука ползет вверх по ее ноге, опасно приблизившись к бедру.

Я напрягаюсь и не отвожу взгляда от этой руки. Люк снова стонет, но на этот раз его стон звучит иначе.

Стон удовольствия.

— Люк, — я в доле секунды от того, чтобы вырвать ему руку и засунуть ее ему же в зад.

Рука Люка замирает. Он распахивает глаза и сонно моргает. Селена протягивает руку, чтобы поддержать его голову. В это время Хоуп выхватывает ложку у меня из рук и тянет ее, не осознавая, что сейчас происходит.

— Ремингтон? — каркает с пола Люк, выглядя несколько сконфуженно. Он прищуривает свои налитые кровью глаза, чтобы свет, льющийся в окна, не слепил его.

Я же не свожу взгляда с его пальцев, касающихся моей женщины.

Господи, помоги мне, не то сейчас все стены окажутся забрызганы кровью. И мои дети будут вынуждены не один год посещать своего отца в тюрьме, когда я закопаю своего брата.

Успокойся, неандерталец.

— *Братишка,* — он наконец-то расплывается в улыбке, и на его лице отражается понимание того, где он находится. Он вздрагивает и обхватывает свободной рукой голову.

— Что это, черт возьми, за шум?

Адриан прекращает скоблить тарелку и вытягивает шею, чтобы посмотреть на своего дядю.

Рука Люка, лежащая на бедре Селены, напрягается, но она тоже, кажется, не замечает моего настроения, все ее внимание сосредоточено на моем брате. За последний год они с Люком сблизились, чего мне очень не хватало, когда я был женат на Колетт. Она никогда не проявляла желания общаться с моей семьей и предпочитала держаться в стороне.

Наконец, до него, кажется, доходит, где находится его чертова рука. Он резко перемещает взгляд на меня и быстро отдергивает руку. Я немного расслабляюсь и тяжело выдыхаю.

Я чертов везунчик — женился на самой красивой и доброй женщине, которую встречал. Мои собственнические чувства не знают границ, когда речь идет о Селене.

Я стараюсь подавить ревность и продолжаю кормить дочь, но желание отвести жену подальше от Люка не унимается, поэтому я вскидываю голову каждые пару секунд.

Селена смотрит мимо меня и моего сына, который довольно бормочет себе под нос, поглощая свой завтрак.

— Адриан, милый, ты не принесешь дяде Люку стакан воды?

Он со звоном кладет ложку на тарелку, вскакивает и выбегает из комнаты. Несколько секунд спустя он возвращается, осторожно неся в руках стакан с водой, стараясь, чтобы жидкость не расплескалась через край.

— Слушай, возьми-ка Хоупи, а я помогу Люку добраться до ванной, — требую я мягко.

— Дай мне сначала подлатать его, — бормочет она, изучая порезы и царапины на лице и руках Люка.

Селена встает, наклоняется ко мне, целует в подбородок и проходит мимо меня. Я поворачиваюсь посмотреть, как покачиваются ее бедра — естественно, грациозно — пока она идет к ванной. Вскоре она возвращается с аптечкой первой помощи. Схватив с дивана подушку, она бросает ее на пол и осторожно опускается на одно колено, затем на другое.

Приподнявшись на локтях, Люк слегка покачивается, и, моргая, смотрит на нее влюбленным взглядом, который я подмечал несколько раз с тех пор, как познакомил его с моей женой.

Отобрав все необходимое, она аккуратно раскладывает все на полотенце и начинает промывать порезы. Спустя десять минут она заканчивает и убирает все обратно в аптечку.

Одной рукой я выхватываю у нее аптечку, когда она проходит мимо меня.

— Сядь, — я киваю подбородком на диван и быстро направляюсь к ванной. Спустя несколько секунд я возвращаюсь и опускаюсь на корточки перед Люком. Убедившись, что он в сознании и откликается, я забрасываю его руку себе на плечо и поднимаю его с пола.

— Черт подери. Ты что, сделан из камня? — бормочу я себе под нос. Он бормочет что-то в ответ, пока я веду его к ванной. — Помочь тебе принять душ? — спрашиваю я, помогая ему присесть на край ванной.

Он одаривает меня полным отвращения взглядом и проводит рукой по лицу. Люк открывает рот, собираясь что-то сказать, но, видимо, передумывает и закрывает его.

— *Спасибо, братишка,* — благодарит меня он и начинает стягивать рубашку; поначалу

его движения очень неуверенные.

Я наблюдаю за ним, изучая его внешность. Короткие пряди черных волос всклокочены и торчат в разные стороны, словно стремятся сбежать с его головы. Под обычно живыми карими глазами залегли темные круги. Выглядит он паршиво.

— Что в тебя вселилось? Не похоже на тебя приходить домой пьяным настолько, что ты не в состоянии подняться в гостевую спальню.

Он снова садится на край ванной, опускает голову на руки и смотрит на меня своими покрасневшими глазами.

— Она. Дьяволица.

Я вопросительно выгибаю бровь.

— В человеческом обличье. К чертям это все. В следующий раз я предпочту машины, — бормочет он сам себе.

— Кто такая эта «она»? Твоя подружка Шарлотта?

Он вскидывает голову и морщится, но каким-то образом ему удается сердито посмотреть на меня, несмотря на боль, которую, уверен, он сейчас испытывает.

— Она не была моей подружкой. И нет. Это не Шарлотта.

Я ухмыляюсь.

— Все так плохо?

— Сотри эту улыбочку со своей рожи, Солнышко, — встав, сердито цедит он сквозь зубы. — *Дерьмо!* — яростно матерится он, чуть не плача. — Я умираю, Ремингтон, а я еще даже не написал завещание. Просто передай маме и Доминику, что я люблю их.

Я закатываю глаза.

— Прекрати вести себя как ребенок. Когда кушал, надо было помнить, что еда чужая, а живот свой, — я подхожу к шкафу над раковиной и возвращаюсь с двумя таблетками обезболивающего и стаканом воды.

Как только передаю ему таблетки, он забрасывает их в рот и запивает большими глотками воды. Опустив стакан, он делает долгий глубокий вдох.

— Я встретил ее два дня назад на вечеринке. Мы понравились друг другу. Ночь прошла шикарно, пока она все не испортила, — говорит он и хмуро смотрит в стакан.

— Что? Она не позволила Люку Оливеру Всемогущему трахнуть ее?

Он улыбается.

— О, позволила. Кто может сопротивляться всему этому? — свободной рукой он указывает на свое тело.

Самоуверенный ублюдок.

— Тогда почему ты так расстроился?

Это стирает ухмылку с его лица. Он запускает пальцы себе в волосы и зажмуривается, словно одно только воспоминание о том, что произошло, причиняет ему физическую боль.

— Она ушла, — с горечью отвечает он. — Она проснулась и ушла.

— Боже, Люк. Она ушла. И? Ты поэтому напился? Как тебе вообще удалось добраться домой в середине ночи?

— Такси, — сухо поясняет он. — Дело не только в том, что она ушла. Дело в том, что она ушла, оставив меня, распятого на кровати — мои руки и ноги были привязаны к кровати моими собственными наручниками и веревками, — он вздрагивает и сосредотачивает свой взгляд на мне. — Она сказала, что у нее были мужики и получше. Она убила меня наповал, брат.

Мои губы вздрагивают — улыбка так и просится наружу.

— Расскажи.

— Ни одна женщина в жизни не реагировала на меня так, как она. Она сказала, что у нее были мужики лучше, чем я. Господи Иисусе, я имею в виду, как можно уничтожить мужественность с помощью одних только слов. Черт ее подери.

Упс. Это жестоко. Зная Люка, сказать гадости о его мужественности, все равно, что стереть в порошок список его личных законов, которые не следует нарушать.

И тут до меня доходит.

— Она тебе понравилась.

— Еще чего. Она просто киска на одну ночь. Даже не собираюсь больше думать о ней.

Слишком много проблем и головной боли из-за ничего.

Я улыбаюсь.

— Женщины, конечно, могут доставлять проблемы, но оно того стоит, когда находишь ту самую.

Он потирает лицо ладонями и качает головой.

— Ты так говоришь только потому, что тебе повезло и на твоем пути появилась Селена.

— Конечно, мне повезло. Если ты хочешь того же, хочешь такую же женщину, как она, тебе придется пойти и найти ее. Найди ее и держи. Никогда не отпускай.

Люк снова качает головой.

— Слишком много беспокойств. Лучше буду возиться с машинами.

Несколько секунд я смотрю на него, а затем качаю головой.

— Как хочешь, — я разворачиваюсь и иду к двери, но останавливаюсь и оглядываюсь на него через плечо. — Но есть одно «но», Люк. Ты все еще прокручиваешь в голове момент, когда коснулся моей женщины? Сотри его из своей памяти.

Я закрываю за собой дверь, оставив его принимать душ, и присоединяюсь к своей семье в гостиной.

Люк

В ту секунду, когда дверь закрывается, я с трудом выдыхаю. Я умираю. Или это, или моя голова взорвется в любую секунду.

Черт.

Не помню, чтобы когда-нибудь раньше так напивался. Я даже не могу вспомнить, как попал в дом. И все из-за женщины. Адаму следовало прислушаться к Богу в Эдеме. Женщины — это проблемы. Целая куча проблем.

Раздевшись, я осторожно захожу в душевую кабину, расположенную рядом с ванной, и закрываю глаза, позволяя струям воды успокаивать меня и одновременно пытаюсь избавиться от образов рыжеволосой ведьмы с ее талантливым ротиком. Мой член оживает при воспоминании об этих губах, ласкающих его так, что я кончил два раза подряд.

Говорю же, ведьма. Ни одной женщине еще ни разу не удавалось довести меня до оргазма дважды за десять минут, просто лаская губами.

Двадцать минут спустя одетый в джинсы и рубашку, я выхожу в гостиную, чувствуя себя настолько человеком, насколько может чувствовать себя тот, кто целую ночь поглощал алкоголь в неограниченных количествах. Должно быть, Ремингтон вытащил мои вещи из шкафа, где я храню сменный запас чистой одежды на те случаи, когда приезжаю в гости, и принес мне, пока я принимал душ.

Аромат свежеспеченных круассанов и кофе ударяет мне в голову, вынуждая пошатнуться и остановиться. Я и не осознавал, насколько голоден. Селена лежит на диване, а Хоуп Эстелла скачет у нее на животе. Адриан висит у Ремингтона на спине, он обхватил отца за шею своими маленькими ручонками и выглядывает из-за плеча моего брата.

Ремингтон разбивает яйца на сковородку, стоящую на плите, и разговаривает с сыном, не прерывая своих действий. Любому станет понятно, что так проходит каждое их утро.

Им комфортно и легко.

Внезапно Хоуп начинает хихикать. Я возвращаюсь взглядом к матери и дочери, расположившимся на диване, и в груди становится тепло просто от того, что я смотрю на Селену. Я быстренько вношу поправки в свои предыдущие мысли. Не все женщины источник проблем. Только рыжеволосые, с веснушками на носу.

Селена красивая и добрая. Мой брат заслуживает именно такую женщину после всего того, через что ему пришлось пройти с Колетт. С той чокнутой сукой.

— Так и будешь торчать там весь день, Ворчун?

Перевожу взгляд с Селены на Ремингтона, стоящего у обеденного стола с полотенцем, перекинутым через плечо. Адриан больше не цепляется за него, как маленькая обезьянка. Он занял свое любимое место, рядом с отцом.

Выгнув бровь, Ремингтон смотрит на меня и ухмыляется. Затем он переводит взгляд на жену, которая теперь уже сидит на диване и что-то бормочет дочери, и ее лицо светится теплом и любовью.

Мужчина совершенно сражен собственной женой.

Ремингтон переключает свое внимание на меня и ухмылка на его лице становится еще

шире, словно говоря: женщины стоят всех проблем, причиной которых они могут стать. Я вспоминаю разговор, который состоялся у нас в ванной, и гадаю, не совершил ли ошибку, рассказав ему все. Я не впервые рассказываю ему о личном. Мы с Ремингтоном всегда были близки, пока росли. Для меня он и лучший друг, и брат. Он вытаскивал меня из таких передраг, в которых любой другой давно поставил бы на мне крест.

Я закатываю глаза, глядя на него и стараясь подавить улыбку. Я рисую в воздухе два сердечка и прикладываю их к глазам, говоря ему, что он смотрит на мир через «очки влюбленности», как он сам называл их ранее, когда мы шли развлекаться. Брат до безумия влюблен в Селену и не в состоянии заметить ничего, кроме ее убийственной фигуры.

Кровь у меня в жилах закипает. Черт. Я стараюсь не думать о Селене в таком ключе, но, *Боже мой*, ее тело пробуждает у меня в груди все эти чувства. Чувства, которые я не имею права испытывать. Ремингтон везучий ублюдок.

Рык Ремингтона прерывает поток моих мыслей. Ухмылка уже исчезла с его лица, сменившись хмурым взглядом.

— Люк.

В одном этом слове содержится предупреждение, дающее мне понять, что он в курсе, о чем я думал. Селена отпадная женщина, а я просто мужчина. Некоторыми вещами стоит наслаждаться на расстоянии. Хотя я немного влюблен в Селену, что, в крайнем случае, можно назвать односторонним страстным увлечением, я бы никогда не причинил брату боль таким образом. Я скорее воткну себе нож в грудь, нежели поддамся порыву чувств. Я не разлучник. Если узнаю, что женщина, с которой я занимаюсь сексом, замужем или состоит в каких-либо отношениях, я сразу же отсылаю ее прочь.

Обойдя вокруг стола, я сажусь рядом с Адрианом, прямо напротив Селены. Хоуп Эстелла сидит на своем высоком детском стульчике между матерью и стулом Ремингтона. Я устраиваюсь на стуле и смотрю на Ремингтона, чтобы немного вывести его из себя. Уже давненько я не видел эту его защитную позицию, поэтому в некоторой степени наслаждаюсь, наблюдая, как он превращается в неандертальца.

Брат качает головой, и тут в его кармане звонит мобильный. Он достает телефон, хмурится, глядя на экран, а затем переводит взгляд на Селену.

— Пойду поговорю в кабинете, — его голос звучит отстраненно, когда он снова смотрит на экран телефона.

Развернувшись, он быстро выходит из комнаты. Закусив губу, Селена с озадаченным выражением лица смотрит ему в след, пока он не исчезает в коридоре.

Кашлянув, она обращается к Адриану:

— Адриан, передай Люку круассаны, — ее голос звучит на два тона выше обычного.

Встав, она идет на кухню и возвращается с кофейником.

— Все в порядке, Селена?

— Ага, — отвечает она и бросает взгляд на Адриана. Высунув язык, он разламывает свой круассан напополам. Затем она снова переводит взгляд на меня. — Все в порядке.

Я хватаю ее за руку в тот момент, когда она заканчивает наливать кофе в мою чашку.

— Селена.

Она вздыхает, ставит кофейник на салфетку на столе и через плечо оглядывается в том направлении, куда ушел Ремингтон, а затем разворачивается к Адриану.

— Эй, Тигренок, сбегай наверх и принеси мне слюнявчик для Хоуп.

Адриан кладет нож для масла на стол и улыбается Селене.

— Да, мама, — он спрыгивает со стула, делает два шатких колеса, а затем бежит по лестнице вверх.

Селена улыбается и, покачивая головой, смотрит на меня. Я вижу, как сильно она любит этого маленького мальчика; все это написано у нее на лице.

— Нам названивает Колетт.

— Что? — шепотом требую я объяснений.

— Она хочет видеть Адриана, — цедит она сквозь зубы, ее челюсть напряжена.

— погоди, погоди. Пожалуйста, только не говори мне, что вы с Ремингтоном подумываете отвезти Адриана повидаться с ней.

Она роняет голову на руки.

— Не знаю, что и думать, Люк. Я знаю, что Колетт пыталась убить меня, но эта женщина — мать Адриана. Он имеет право видеть ее, хотя она бросила его и ушла. Иисусе, он же был совсем кроха.

Она тяжело вздыхает.

— Терапевт считает, что привлечение членов семьи может благотворно повлиять на нее, особенно с учетом того, что ее единственные члены семьи, помимо моей матери, сестры и меня, это ее сын. Но она не желает видеть нас. Только Адриана.

Селена поджимает губы, откидывает голову назад и часто-часто моргает, глядя в потолок, словно пытается не расплакаться. Адриан кричит, что он нашел слюнявчик, и на лестнице слышатся его шаги.

— А что сказал мой брат? — бормочу я, и часть моего внимания переключается на Адриана, который как раз показывается внизу лестницы.

— Он не хочет, но не думаю, что у нас есть выбор. Ее терапевт утверждает, что она стала более стабильна за последние несколько месяцев, после того, как ее поместили в больницу. Выпустят ее нескоро, не после того, что она сделала, но если дело дойдет до суда — она и ее врач угрожают обратиться в суд — нас могут заставить подчиниться. Мы не хотим подвергать Адриана всему этому. Он и так пребывал в замешательстве после того, как Колетт появилась в доме.

— Вот, мама! — Адриан вкладывает слюнявчик в руку Селены, оббегает вокруг стола и целует сестричку в лоб, затем садится обратно на свой стул.

Я откидываюсь на спинку стула, негодуя по поводу услышанного.

Ремингтон возвращается в комнату, одной рукой он держится за шею, его ноздри трепещут, а на лице застыло напряженное выражение. Засунув телефон обратно в карман брюк, он наклоняется и целует Адриана и Хоуп в макушки. Брат подходит к Селене, шепчет что-то ей на ухо и целует ее в шею, а затем садится на свое место во главе стола, а по бокам от него сидят Адриан и Хоуп. Что бы он ни сказал Селене, она расправляет плечи и ее тело напрягается. Хоуп словно чувствует напряжение. Она протягивает руки к отцу, чтобы он взял ее на руки, и начинает ерзать на своем стульчике и нетерпеливо хныкать.

После того, как Ремингтон берет дочь на руки и усаживает ее себе на колени, мы в полной тишине завтракаем, и в воздухе ощущается напряжение.

Дерьмо! Эта чокнутая сучка испортила все праздничное настроение. Уверен, что существует какой-нибудь способ урегулирования этого вопроса без необходимости вынесения этого дела в суд и разрушения счастья моего племянника.

К концу завтрака Ремингтон и Селена выглядят так, будто готовы сломаться. Хоуп снова сидит в своем детском стульчике, хихикает и хлопает в ладошки, а Адриан катает красную

игрушечную машинку по столу, издавая звуки, имитирующие двигатель.

Я больше не в силах выносить все это. Эта ситуация убивает их обоих. Им нужно отвлечься, и я собираюсь помочь им в этом или умру, пытаюсь. Ну, не в буквальном смысле умру.

— Мне нужно, чтобы вы оба кое-что для меня сделали, — я смотрю в хмурое лицо Ремингтона, затем в отстраненное лицо Селены. Они сосредотачивают свое внимание на мне. — Ремингтон. Мы с Селеной поговорили, пока ты разговаривал по телефону, так что я в курсе, что тебе звонит Колетт. Вам не нужно делать этого, особенно в это время года. Сходите куда-нибудь и развейтесь сегодня вечером. А я позабочусь об Адриане и Хоуп.

Они обмениваются взглядами. Селена отрицательно качает головой.

— Я не могу оставить их одних, особенно сейчас. Уверена, Адриан чувствует, что...

— Нет, ты можешь. Всего на пару часов. У вас совсем нет времени на себя, а теперь еще эти новости. Адриан гораздо сильнее, чем вы думаете. Сходите куда-нибудь и уделите время друг другу. Кроме того, дети обожают меня, — я улыбаюсь и смотрю на Ремингтона, который изучает меня с благодарным выражением лица, а затем поворачивается к жене и наклоняется вперед. Он обхватывает ее руки своими ладонями.

Бедняге теперь не часто выпадает возможность заняться сексом.

— Селена, *ma belle*. Все в порядке, — он придвигается ближе к супруге, целует ее в шею и прижимается губами к уху. — Ты и я. Наедине. Ничего не будет отвлекать нас.

— Господи. Прекрати из штанов выпрыгивать, братец, — я воспринимаю это, как согласие, встаю, вытаскиваю Хоуп из ее стульчика и мы идем к окну наблюдать, как идет снег. Голова болит уже не так сильно. Я управлюсь с двумя детьми на один вечер. На самом деле, я даже с нетерпением жду возможности провести время с обожаемыми племянником и племянницей.

Селена

Я буду изо всех сил стараться заблокировать любые мысли о Колетт, чтобы они не помешали мне насладиться и провести время наедине с мужем. С момента звонка я постоянно ощущаю ее незримое присутствие.

Прижав ладони к платью, я разглаживаю невидимые складки на юбке, пока иду по коридору.

Ремингтон не сводит взгляда с лестницы, когда я появляюсь в верхнем пролете. Даже когда Люк вкладывает что-то в его протянутую ладонь, он все равно не сводит с меня глаз, пока я спускаюсь по ступенькам. Он убирает в карман брюк то, что его брат дал ему. Его взгляд рассказывает мне все. Он поглощает меня полным обожания взглядом. Как вышло, что мне повезло быть любимой таким защищающим, любвеобильным и вместе с тем серьезным мужчиной? От вида Ремингтона в угольно-черном костюме, белоснежной рубашке, синем галстуке и черных туфлях захватывает дух. Добавьте к этому Хоуп Эстеллу, которую он держит на руках и Адриана, крутящегося вокруг, и я пропала. Изысканность и отцовство.

Он не сводит с меня взгляда до тех пор, пока я в лабутенах на высоченной шпильке не оказываюсь на нижней ступеньке. Я неплохо научилась разбираться в выражениях его лица, но в данный момент не могу понять, о чем он думает. И в это мгновение я понимаю кое-что: он позволяет мне «читать» его, впускает меня, дает мне разрешение узнать его.

Мое сердце разбухает, как и всегда, когда я вижу Ремингтона с детьми. Даже когда Адриан раскачивается на ноге моего мужа, а Хоуп Эстелла вцепилась в его лицо своими крошечными облизанными кулачками и изо всех сил пытается втянуть в рот уголок воротника его рубашки, он выглядит очень галантно.

Он потекает детям, таща на себе Адриана, пока идет по направлению ко мне, и посылает сладкую улыбку с ямочками нашей дочери. Мою грудь буквально разрывает от любви.

Вот так мечты стали реальностью.

— *Боже мой, Селена. Эти туфли и это платье...*

Я улыбаюсь и подмигиваю ему.

— Ты помнишь.

Он по-прежнему скрывает свои чувства за этими своими зелеными глазами.

— Помню, — Адриан отпускает его ногу и скачет по полу.

Прижавшись ко мне, он обнимает меня за бедра.

— Ты выглядишь красиво, мама.

— Спасибо, сладенький, — я переплетаю наши пальцы.

— Вау, сестренка. Ты выглядишь великолепно, — включается Люк.

Ремингтон пристально наблюдает за мной, пока я, покачивая бедрами, приближаюсь. Я целую Хоуп Эстеллу в лоб и прижимаюсь к мужу. Свободной рукой он обнимает меня за шею и прижимает губы к моему уху.

— Ты, правда, великолепна, и ты моя. Твое тело, сердце и душа принадлежат мне, как и

мои принадлежат тебе, — его голос звучит гордо, чувственно, и с моими коленками происходит то, что случается всегда, когда он говорит подобные слова *таким вот* голосом.

Я отстраняюсь и приседаю так, чтобы наши с Адрианом глаза оказались на одном уровне.

— Эй, Тигренок. Мне нужно, чтобы ты сделал мне одолжение. Дяде Люку понадобится твоя помощь с Хоупи, помоги ему, ладно?

Он выпячивает грудь, от чего кажется чуточку выше.

— *Конечно*, мама.

Я притягиваю его в свои объятия и крепко обнимаю, затем встаю и поворачиваюсь к Люку. В это же время Ремингтон подходит к Люку и вручает ему малыша.

— Не забудь дать ей срыгнуть после того, как покормишь.

Люк кивает.

— Я все записал, — он хлопает себя рукой по карману рубашки, затем улыбается и долго сдерживаемый смех прорывается наружу. — Ну же, Селена. Отдай мне должное. Как, наверное, сложно заботиться о двух самых идеальных детях в мире? — он ерошит волосы Адриану и громко чмокает Хоуп в щечку, отчего та начинает ерзать и смеяться.

Я наблюдаю за ним, пока верчу клатч в руках, борясь с желанием отменить все и остаться дома, и вздыхаю. Наклонившись вперед, я прижимаюсь лбом ко лбу Хоуп. Боже, мне никогда не надоест то, как пахнет она и Адриан.

Я отхожу, и Ремингтон обвивает рукой мою талию, притягивая меня к своей груди. Мое тело ослабевает, когда напряжение растворяется, словно Ремингтон принял его часть на себя.

— Еще кое-что, *братишка*, — дыхание Ремингтона ерошит мне волосы, когда его голос раскатисто вырывается из его груди. — Помни, моя жизнь в твоих руках.

Улыбка Люка исчезает, и его лицо принимает серьезное выражение. Он кивает, и крепче обнимает детей.

— Ты можешь смело доверить мне свою жизнь.

Ремингтон слегка расслабляется и его хватка на мне несколько ослабевает. До этого мгновения я и не представляла себе, что он был напряжен при мысли, что ему придется оставить Адриана и Хоуп с Люком. Он разворачивает меня к себе лицом, наклоняет голову и прижимается губами к моему рту, зарывав, как только его губы касаются моих, словно ему мало ощущения соприкосновения нашей кожи.

— Боже. Я, конечно, знаю, что вам двоим давненько не выпадало возможности провести время наедине, но я был бы вам очень благодарен, если бы вы занялись этим где-нибудь в другом месте. Хоупи совершенно не нужно знать в деталях, как она была зачата. А я не хочу видеть, как мой брат занимается этим со своей женой, — Люк делает вид, что его тошнит, разворачивается и возвращается в гостиную с воркующей и что-то лепечущей Хоуп Эстеллой.

Я выхожу за дверь. Ремингтон уже ждет меня возле машины, припаркованной перед домом. Он устремляется ко мне, когда видит, что я иду по дорожке, обхватывает меня рукой за талию и прижимает к своему крепкому телу. Он осторожно ведет нас по дорожке, обходя сугробы выпавшего за последний час снега.

Ремингтон останавливается перед пассажирской дверью, склоняет голову к изгибу моей

шеи и целует меня там. Боже, как мне нравится, когда он делает вот так.

— Ты пахнешь чертовски потрясающе.

Я прижимаюсь к нему.

— А вы, *mesee*, выглядите довольно стильно. Готовы поиграть? — я подмигиваю ему и прикусываю нижнюю губу.

Его брови приподнимаются, а член, будто ждал этих слов, твердеет, вжимаясь мне в живот.

— Я всегда готов, если речь идет о тебе, *ma belle*. Всегда. Шалунья, я дождаться не могу, когда смогу начать поклоняться твоему телу. *Боже мой*, эти изгибы, эта сладкая задница принадлежит мне, а мне, кажется, все мало. Выражение твоего лица, которое я вижу сейчас, я хочу, чтобы оно всегда было на твоём лице. Всякий раз, когда я вижу это тепло, нежность и сияющую любовь на твоём лице, меня пронимает до глубины души.

Усадив меня на пассажирское сиденье, он обходит вокруг машины и тоже садится. Перед тем как завести машину, он бросает на меня взгляд. Если бы я надела нижнее белье, то оно бы мгновенно растворилось от такого взгляда. Ремингтон пока не в курсе. Я специально выждала, пока он выйдет из спальни и спустится вниз переговорить с Люком, и только потом начала одеваться. Ремингтон хочет поиграть. Я хочу поиграть. Нет смысла тратить время на ненужную одежду, так что на самом деле можно сказать, что я делаю ему одолжение.

Я мысленно смеюсь.

Взгляд, которым он одаривает меня, перед тем как сосредоточиться на дороге, содержит два сообщения: «Тебя любят» и «Нам с тобой предстоит многое наверстать».

Конечно же, меня любит самый властный мужчина, которого я имела удовольствие знать. И мне это нравится. Мне нравится купаться в этом ощущении.

— Хочу, чтобы ты расслабилась. Люк, может быть, и кажется беззаботным, но он ни в коем случае не допустит, чтобы с Адрианом и Хоуп Эстеллой что-нибудь произошло. Я безоговорочно доверяю ему.

Я часто моргаю, чтобы остановить подступившие к глазам слезы.

— Знаю. Просто мне очень сложно расставаться с Хоуп. И Адриан, ему через столько пришлось пройти, я не хочу видеть, как ему снова причинят боль. И... — я закусываю губу и отворачиваюсь к окну, чтобы он не увидел, что отражается в моих глазах.

— *Ma belle*, — мягко бормочет он. Когда я не поворачиваюсь на его зов, он обхватывает пальцами меня за подбородок и нежно пытается повернуть к себе. — Селена. Адриан не знает свою мать и всю свою жизнь не знал. Для него мамой всегда будешь только ты. И ничто никогда не изменит этого. Любовь моего сына к тебе ничем не разрушить. Никто и никогда не разрушит вашу связь. Слышишь, никто.

Я хлюпаю носом, сраженная его способностью читать меня, как открытую книгу, и согласно киваю.

— Давай поедem и повеселимся.

Люк

— Ну что ж, Адриан, Хоупи! — говорю я, обнимая маленькую племянницу и племянника. — Мы ведь справимся со всем этим, *да?*

Адриан бежит впереди меня и останавливается только перед кухонной стойкой.

— Чем займемся в первую очередь?

Я бросаю взгляд на часы в гостиной — три часа дня.

Селена покормила Хоуп, перед тем как они с братом уехали. У нас есть два часа, прежде чем Хоуп придется снова покормить. И если все будет так, как Селена объяснила мне, то, вероятнее всего, она проголодается уже через полтора часа.

— Чем бы тебе хотелось заняться? — спрашиваю я у Адриана, поднимаю Хоуп вверх и целую ее в животик, а затем дую на него, производя забавные звуки, которые ей так нравятся.

Адриан бросает взгляд на младшую сестренку и его брови опускаются.

— Я бы хотел поиграть с машинками, но Хоупи любит все тащить в рот. Мама говорит, что это опасно и что она может подавиться.

Впрочем, по его виду нельзя сказать, что он безмерно огорчен из-за того, что ему нельзя играть с машинками.

Внезапно его лицо озаряется.

— Может, испечем что-нибудь? Мне очень хочется испечь печенье для *бабули* Эстеллы. И может добавим еще немножко гирлянд?

Я поудобнее пристраиваю Хоуп на руках и осматриваю гостиную, которая и так сверкает всеми цветами радуги.

— Думаю, прежде чем сделать это, мы должны обсудить все с твоими мамой и папой.

Адриан хмурится и поджимает губы. Полагаю, именно так выглядел Ремингтон в возрасте Адриана. Когда я впервые увидел своего брата, мне было двенадцать. Мой отец тогда всего за несколько недель до этого встретил Эстеллу и пригласил ее вместе с сыном провести выходные у нас дома в Провансе. Ремингтон молчал почти все время, пока они гостили, и почти никогда не улыбался. Всякий раз, когда он смотрел на меня, грудь сдавливалось от боли. Никогда в жизни я не видел более печального взгляда. Даже в свои двенадцать я стремился найти что-нибудь, что развеселило бы его. Мы с Домом изо всех сил старались рассмешить его. Наши шалости с каждым разом становились все более дикими. Я цеплялся ногами за ветку и раскачивался на ней; бил себя в грудь кулаками как шимпанзе и носился по кругу; Дом, будучи старше меня на три года, на бешеной скорости скакал на своем пони, что чуть не послужило причиной сердечного приступа у отца.

В итоге Ремингтон покачал головой и едва заметно улыбнулся. К концу выходных, когда Ремингтон и его мать уехали обратно в Париж, постоянная печаль и напряжение в его глазах и позе уменьшились. Но только спустя пять визитов он позволил моему отцу, Дому или мне обнимать его. С тех пор мы стали командой.

Хоуп пукает, чем отрывает меня от моих мыслей. Она сморщилась и сильно покраснела.

— Эм, думаю, Хоупи покакала, — выкрикивает Адриан, зажав пальчиками нос и с

отвращением глядя на сестру. — Когда она уже научится пользоваться горшком?

Я смеюсь.

— Ей еще многому предстоит научиться.

Адриан морщит нос и отбегает от нас.

— Эй, Капитан. Мне нужна помощь в смене подгузника.

Черт. Я-то надеялся, что она просто пустила газы, а не сделала свои «делишки» на полном серьезе. Я люблю брата и Селену. Я даже убить готов за них. Но вытирать попку ребенка, перепачканную детскими какашками занятие не для меня.

Адриан ведет меня по коридору в комнату, оборудованную под вторую детскую, и включает свет. Он достает все необходимое, чтобы сменить Хоупи подгузник, кладет на пеленальный столик и отходит в сторону, выжидаяюще глядя на меня.

Я укладываю Хоуп на столик и начинаю расстегивать серебряные пуговицы ее подгузника.

— Ты ведь уже делал это раньше, да?

Он кивает, и его глаза светятся от гордости, затем он убирает кудрявые локоны с лица сестренки и громко чмокает ее в щеку. Хоуп, видимо, наслаждается этим, так как довольно воркует и пытается повторить звук, который издал ее брат.

— Да, я всегда помогаю маме и папе. Но ее какашки воняют.

Я снова смеюсь.

— Неприятно огорчать тебя, Капитан, но все какашки неприятно пахнут. Даже твои.

Он качает головой.

— Ее пахнут гораздо хуже. Она такая маленькая, а какашки пахнут гораздо неприятнее.

Раскрыв подгузник, я вынужден согласиться с Адрианом. *Боже мой*, чем, черт возьми мой брат и его жена кормят этого ребенка?

— Дьявол, малышка Хоуп. Ты относишься к делу серьезно, не так ли? — бормочу я себе под нос.

Я смотрю на подгузник, затем на все, что Адриан подготовил для переодевания и аккуратно положил рядом со столом. Возможно, проблему можно было бы решить, если хорошенько полить все из шланга, хотя Хоуп вряд ли оценит такой способ.

— Ну что ж, давай попробуем сделать это, — говорю я и закатываю рукава рубашки.

Адриан держит упаковку детских салфеток, пальцами по-прежнему зажимая нос и дыша ртом. Замечаю, что он приподнялся на цыпочки и пару раз воровато на меня посмотрел.

— Что случилось, Адриан?

Он прекращает ходить вокруг да около и хмурится.

— У нее такая маленькая попка.

Я давлюсь смешком.

— Она же еще ребенок.

— Думаешь, она станет как мама, когда вырастет?

— Что ты имеешь в виду? — интересуюсь я, гадая, куда может завести нас этот разговор. Адриан всегда такой... эм... Адриан. Он озвучивает все, что приходит ему в голову, совершенно не фильтруя свою речь.

— Папа любит шлепать маму пониже спины и шептать, что ее попа принадлежит ему.

Иисусе.

— Когда ты такое видел? — я мысленно молюсь, чтобы не выяснилось, что он вошел к ним в комнату, когда они занимались сексом. Наш разговор идет не в ту степь и слишком

быстро.

Адриан кладет салфетки для детей на стол и сосредотачивает все внимание на мне.

— Я смотрел «Человека-паука» по телевизору. Мама готовила нам ужин в кухне. Папа вернулся домой с работы, прошел на кухню и шлепнул ее по попе. Он часто это делает, — он выгибает бровки. — Мне придется шлепать Хоупи по попе, когда она вырастет?

Тема беседы как-то слишком быстро перешла с какашек на неприличные прикосновения.

— Нет. Хоупи твоя сестра. Только женатые люди касаются так друг друга. Я могу так поступить, скажем, со своей подружкой.

Он прекращает хмуриться, и его плечики заметно расслабляются.

— *Слава Богу.* Мне совсем не хочется прикасаться к сестре там. А ты трогаешь там свою подружку?

Вытерев Хоуп, я поднимаю ее в воздух, а Адриан расстилает чистый подгузник на столе.

Он выжидающе смотрит на меня.

— Иногда, — отвечаю я, надеясь, что на этом тема будет исчерпана. То, что я проделываю с женщинами, вовсе не то, что я жажду обсуждать со своим маленьким племянником.

Черт. Нам с Ремингтоном нужно серьезно поговорить.

— Значит, я могу шлепать Клаудию?

Я перевожу взгляд вниз на Адриана.

— Клаудию?

Он пожимает плечами.

— Она красивая и я ей нравлюсь. Я думаю, что она моя подружка из школы. Она подарила мне пенал с Человеком-пауком.

— Да? — я заканчиваю одевать Хоуп, беру ее на руки и целую в лобик. Она трет кулачком глазки. Селена упоминала, что малышка любит вздремнуть в обед. С Хоуп так легко, когда она сытая и чистенькая.

— Еще она поцеловала меня в щеку.

Я бросаю взгляд на племянника, испытывая облегчение, что мне удалось сорваться с крючка и не обсуждать шлепки по попе, но продолжаю гадать, какие еще мысли роятся в этой маленькой головке. Когда мы заходим в гостиную, его шаги замедляются. Я сажусь на диван, укладываю ребенка на грудь и начинаю круговыми движениями поглаживать ее по спине, чтобы успокоить.

— Могу я спросить тебя кое о чем, Люк?

Я киваю, пытаюсь подготовиться к тому, что бы он ни сказал сейчас.

— Как ты понимаешь, что тебе нравится девочка?

Этому мальчику точно шесть лет? Иногда кажется, что он выглядит и мыслит старше своих лет.

Я раздумываю над его вопросом несколько секунд. Я люблю свои машины. От мысли, что с одной из них что-нибудь может приключиться, сердце у меня надрывается. Женщины же с другой стороны — совсем другое дело. Прошло пять лет, с тех пор как мне по-настоящему нравилась девушка. На самом деле, я любил ее, но мы слишком разного хотели от жизни. Ей хотелось остепениться и создать семью. А я успешно занимался карьерой и продолжаю ею заниматься. Когда она бросила меня, мое сердце было разбито, но я постарался заглушить боль работой. С тех пор я избегаю всяких сложностей. До недавнего

времени мне это удавалось, пока эта рыжеволосая ведьмочка не сделала что-то со мной.

Я вздыхаю. Ну что вот я могу знать о том, каково это, когда тебе нравится девушка?

— Что ты чувствуешь к этой девочке?

— Мне нравится, когда она улыбается мне и когда держит меня за руку.

— Она, видимо, очень милая.

— Так и есть, — Адриан кивает и садится на диван. — Я купил ей шарфик на Рождество. Шарф же хороший подарок? Мама говорит, что это идеальный подарок.

Я киваю, размышляя о том, что, возможно, мне стоит воспользоваться подсказками племянника в отношениях с женским полом. Он, кажется, выучил это назубок, но ищет одобрения.

— Тебе она, похоже, довольно сильно нравится. Шарф — это отличная идея. Он будет согревать ее зимой, и этот подарок будет исключительно для нее. Ты уже подарил его ей?

Он улыбается и кивает.

— Да. Мы обменялись подарками в последний день перед каникулами, — его взгляд перемещается на Хоуп, лежащую на моей груди. — Хоупи уснула. Можем теперь заняться выпечкой?

Я опускаю взгляд на Хоуп, тихо сопящую у меня на руках и посасывающую пальчик. Пообещав Адриану вернуться через пару минут, я встаю с дивана и ухожу наверх.

Спустя несколько минут я возвращаюсь, но Адриан уже смотрит «Великолепного Человека-паука» по телевизору.

— Время выпечки, Капитан, — говорю я, направляясь на кухню. Он спрыгивает с дивана, хватая пульт и выключает телевизор.

Он останавливается перед кухонной стойкой, и в нетерпении подпрыгивает.

— Что будем печь?

— Давай проверим сначала, что есть в холодильнике, *ладно?*

Адриан с энтузиазмом кивает, бежит к холодильнику и распахивает дверцу. Затем засовывает голову внутрь и что-то бормочет себе под нос.

— Нашел что-нибудь?

Он отходит от холодильника, скрещивает руки на груди и смотрит на меня с надеждой на лице.

Мне приходится закусить губу, чтобы подавить улыбку, затем я наклоняюсь и, опираясь руками в колени, изучаю содержимое холодильника.

— Может, мы испечем торт с M&Ms?

Я смотрю на него.

— Отличная идея. У нас есть M&Ms?

Он качает головой и хмурится, снова напоминая мне моего брата.

— Мама говорит, что у меня зубы выпадут, если я буду есть много сладкого.

— И портит этим все удовольствие?

— Папа согласен с ней, — в его голосе звучит огорчение.

— Кайфоломщики, — говорю я, и Адриан хихикает.

Интересно, каково это иметь жену и детей, к которым можно возвращаться после долгого дня? Живой нрав моего племянника, обоюдная любовь Ремингтона и Селены, и прелесть Хоуп вынуждают меня задуматься, что однажды у меня будет своя собственная семья.

О чем, черт возьми, я думаю? Мне еще предстоит прожить несколько важных этапов в

жизни, прежде чем я остепенюсь.

Я выпрямляюсь, достаю упаковку яиц, и, вручив ее Адриану, подбородком киваю на кухонную стойку. Он спешит к столу и ставит на него яйца, затем залезает на стул.

— Что будем готовить?

— *Рождественское полено*, — отвечаю я и хожу по кухне, собирая необходимые ингредиенты для рождественского пирога. Включив духовку, начинаю смешивать ингредиенты в миске.

Выпечка — одна из моих сильных сторон. Я довел ее до совершенства. Некоторые женщины испытали оргазм, попробовав мои кулинарные творения. Если речь идет о том, что я могу сделать с женщиной и глазурью французский шелк — я Бог.

— Тебе сегодня лучше? Папа говорит, что ты неважно себя чувствовал, дядя Люк.

Моя рука с миксером замирает. Я выключаю его, чтобы сосредоточить все внимание на племяннике. Любопытство и честность мальчика доведут меня до могилы.

— Гораздо лучше.

До сих пор поверить не могу, что я напился из-за женщины... женщины, которая мне в пупок дышит. Способность мыслить покинула меня в ту же секунду, когда ее губы сомкнулись вокруг моего члена. *Бог мой*, от того, как она сосала меня, мои мозги растаяли и меня охватила неконтролируемая страсть к этому маленькому крепкому телу.

У меня никогда не было такой женщины, как она. Она появилась из ниоткуда, после гонки в Сингапуре, сказала, что готова трахаться, пока разумные мысли не покинут нас. Мы даже имена друг друга не спросили.

Самый лучший секс, который у меня когда-либо был. Это, а еще ее ротик.

Отбросив эти мысли, пока они не свели меня с ума, я сосредотачиваюсь на Адриане, и мне удается уловить концовку его рассказа о фейерверках на Новый год. Пока занимаемся выпечкой, мы беседуем о школе, машинах и догадках, кому какие подарки Пьер Ноэль оставит под елкой. (*Примеч. Пьер Ноэль — рождественский фольклорный персонаж во Франции и других франкоязычных странах, раздающий подарки детям в ночь на Рождество*).

Селена

Клянусь, мой муж — самый романтичный мужчина в мире.

Ужин оказался просто изысканным. Сразу после него мы прогулялись по Елисейским полям до рождественской ярмарки, купили еще подарков детям и выпили глинтвейна, который прогнал зимний холод, щипающий меня за щеки. Когда мы вернулись в машину, Ремингтон сказал, что у него для меня есть сюрприз.

И, дорогой Боже, я приятно удивлена. Он паркуется на подземной парковке и ведет меня к лифту, положив руку мне на поясницу. По пути он шепчет мне на ухо, что дожидаться не может, когда я окажусь под ним и он будет трахать меня, пока не останется единственное, на что я окажусь способна — выкрикивать его имя. Он кивает администратору за стойкой из темного дерева, одетому в довольно неприличный наряд.

— Что это за место? — интересуюсь я, изучая обстановку, когда Ремингтон выводит меня из лифта на седьмом этаже и ведет по слабо освещенному коридору.

— Сегодняшний сюрприз, — шепотом сообщает он мне на ухо. — Можешь называть это место клубом, основанным исключительно с целью получения удовольствия.

Я оглядываюсь через плечо и встречаю пылкий взгляд его потемневших глаз. Меня бросает в дрожь, и я мысленно произношу молитву, чтобы ноги не подвели меня.

— А ты у нас член клуба?

Он выдыхает, и его теплое дыхание овеивает волоски на задней части моей шеи.

— Я рожден исключительно, чтобы удовлетворять тебя, *ma belle*. Нет, я не член клуба. А вот Люк — да.

Святые угодники!

Его рука на моем бедре сжимается, останавливая меня напротив тяжелой двери из темно-коричневого дерева. Ремингтон засовывает руку в карман брюк и вытаскивает ключ. Открыв дверь и щелкнув выключателем, он заводит меня в комнату. Я обвожу ее взглядом, и у меня создается впечатление, что я перенеслась в прошлое. Кровать из темного дерева, ярко-красное покрывало, по краям отделанное золотом, тяжелые портьеры плотно закрывают окна, красные стены и белый потолок, у одной стены комнаты стоят белые шкафы с зеркальными дверцами. Две лампы в стиле барокко на прикроватных тумбочках по обе стороны кровати освещают комнату мягким светом, а у противоположной стены стоит трюмо такой же формы и цвета, как лампы. Эта комната утонченно старомодная и она придает новое значение словам «грех» и «самые дикие мечты становятся реальностью». До замужества ни в одном из своих путешествий я никогда не видела ничего более чувственного и сексуального, чем эта комната.

Оторвавшись от созерцания окружающей обстановки, я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на мужчину, лежащего на греховной кровати, обнаженного, за исключением черной простыни прикрывающей его бедра. Наблюдая за мной, он закинул руки за голову. Его одежда небрежно разбросана по полу возле кровати. Должно быть, он очень торопится приступить к делу. Я даже не заметила, когда он успел раздеться.

Потянувшись к молнии платья, я тяну замочек вниз, не сводя с него взгляда, и

облизываю губы. Зная, что привлекла его внимание, я расстегиваю молнию до конца. Платье соскальзывает вниз, лужицей растекаясь у моих ног. Я прохожусь взглядом снизу-вверх по его телу. О, Боже. Этот мужчина просто идеален. Единственные части тела, выдающие его истинные чувства — его член, натянувший простыни, и глаза, обычно зеленые, а теперь потемневшие, пока он изучает черный кружевной лифчик, который я заказала себе недавно. Я берегла его для подходящего случая и позаботилась, чтобы Ремингтон не увидел его. Взгляд мужа опускается вниз к поясу для чулок. Глаза Ремингтона останавливаются на моих ногах, и он облизывает пересохшие губы, с его губ срывается рваное дыхание, а затем он переводит взгляд на кромку чулок на бедрах.

— Скажи мне, Сен-Жермен, ты вел себя плохо или хорошо? — мой голос звучит низко и с придыханием. Его грудь быстро вздымается и опадает, он убирает руки из-за головы и перемещает их на колени.

— А ты как считаешь?

Я пожимаю плечами.

— Стопроцентный Ремингтон, черт возьми, Сен-Жермен. Непослушный. Развратный. Сексуальный и все, что между этими понятиями.

Он удобнее усаивается на кровати, откидывает простыню с колен и зажимает свой член в кулаке. Ремингтон уверенно водит своими сильными пальцами вверх-вниз по всей длине, останавливаясь, чтобы обхватить яйца, которые подтянулись от желания.

— Да. И какая награда меня ожидает за то, что я был чрезвычайно непослушным?

Перешагнув через платье, я иду к нему, покачивая бедрами, и останавливаюсь у изножья кровати.

Ремингтон. Мой муж. Даже спустя столько месяцев, я все еще поверить не могу, что принадлежу ему, а он — мне. В голове мелькают образы того, что должно произойти. Боже, эти кубики. Они так четко выделяются, что по ним можно проехать на «Хаммере» и все равно почувствовать все выпуклости. Можно подумать, что целый год, любуясь этим телом, я привыкла к этому зрелищу. Но нет, и, наверное, никогда не привыкну. У меня от него по-прежнему перехватывает дыхание, слабеют колени и он одним взглядом может добиться того, чтобы я стала влажной. Затем Ремингтон улыбается и, черт возьми! Я сжимаю бедра и делаю три глубоких вдоха. Ремингтон бесчестно использовал «оружие» — свои ямочки.

Он выгибает бровь и склоняет голову набок, подзывая меня к себе без единого слова. Я вздрагиваю, когда на меня накатывает волна жара — ответ моего тела на его беззвучный зов, первобытный и непреодолимый. У меня не получается сопротивляться Ремингтону, и я не собираюсь пытаться сопротивляться ему сейчас.

С этим мужчиной я настроена прожить жизнь, и мне это очень нравится. Мой муж и мои двое красивых детей.

Дети. Меня так отвлекли события сегодняшнего вечера, что я совершенно забыла проверить, как дела у Люка.

Закусив нижнюю губу, я украдкой бросаю взгляд на сумочку, лежащую на трюмо. Все ли у Люка в порядке? Может, мне нужно проверить, не забыл ли он дать Адриану перекус после ужина. Мой мальчик не уснет, пока не перекусит молоком с печеньем. Что, если что-то случилось и он звонил, но я не слышала?

— Прекрати.

Я поворачиваюсь взглянуть на Ремингтона и озадаченно смотрю на него.

— Люк в состоянии присмотреть за детьми без нашего надзора. А теперь прекрати и

иди сюда, чтобы я мог боготворить тебя, — велит он, приподнимая бедра и задыхаясь.

Боже. Так сексуально наблюдать, как твой мужчина раскрывается перед тобой. Зачем я снова трачу время впустую? Я наклоняюсь, чтобы снять туфли.

— Не снимай их, — хрипло просит он.

Я залезаю на кровать и седлаю его бедра. У нас есть время поиграть, и я собираюсь воспользоваться этим временем в полной мере. Он выпускает член из рук и вцепляется мне в бедра, придвигает меня к себе так, чтобы его готовый войти в меня член оказался расположен непосредственно напротив входа. Черт. Возьми.

— Я командую. Мы сделаем это по-моему, — заявляю я, отталкивая его руки от своего тела и прижимая их к изголовью.

— Напомни мне поблагодарить Люка.

Очевидно, Ремингтон не самый лучший ученик. Его руки возвращаются обратно, и он снова впивается пальцами в мою кожу. Он ничего не говорит. Просто снова напрягает бедра, стонет, и этот сексуальный, полный потребности низкий звук, как стрела пронзает меня, задержавшись между ног.

— Ты привел меня сюда по особой причине, да? — я выгибаю бровь, глядя на него, и толкаюсь бедрами вперед, чтобы наши тела теснее коснулись друг друга, затем наклоняюсь вперед, дую на его живот и, коснувшись языком, двигаюсь вверх, где накрываю ртом его правый сосок. Я смотрю вверх на него:

— Ты не так уж хорошо вел себя, малыш. Прижми руки к изголовью, а то мне так и не терпится привязать их твоим собственным галстуком.

Взгляд Ремингтона тяжелеет, дыхание ускоряется и становится еще более неровным. Он крепче сжимает меня, отчего вверх по бедрам распространяется боль. Когда она смешивается с моим желанием, я закусываю нижнюю губу, чтобы не застонать. Ремингтону нравится все держать под контролем. Должно быть, ему нелегко сохранять спокойствие, слушать, как я отдаю ему приказы и при этом не завалить меня на кровать и оттрахать.

— О чем ты думаешь? — спрашиваю я и зажимаю его сосок зубами, вынудив резко втянуть воздух. Я улыбаюсь, медленно сажусь, и, проведя руками по его телу, обхватываю свою грудь и легонько сжимаю.

Внезапно он хмурится, принимает сидячее положение и хватает меня за руки, которые заняты расстегиванием застешки лифчика.

— Не снимай. Я хочу трахнуть тебя в лифчике. *Бог мой*, ты так чертовски красива, — рычит он, наклоняясь, чтобы провести своими губами по моим, а затем зажать мою нижнюю губу зубами и легонько прикусить ее. — Какие-нибудь особые запросы? Я собираюсь наслаждаться тобой так долго, как смогу.

Я чувствую, как дрожат его руки, пока он обводит ими контуры моего тела. Хнычу, когда он пощипывает мои соски, его прикосновения очень уверенны. А затем его член оказывается прямо там, дразня мою киску.

Я прижимаюсь губами к его уху.

— Трахни меня. Жестко.

Он широко и порочно ухмыляется.

— О, я так и сделаю. Я собираюсь лизать и кусать каждый миллиметр твоего тела, планирую съесть твою киску. Я заставлю тебя кричать, *ma belle*.

И с этими словами он обвивает рукой мою талию и переворачивает меня на кровать. Переплетает наши пальцы, проводит ими вниз по моему телу, чтобы мы вместе ласкали мой

клитор.

— Такая влажная, — бормочет он, почти касаясь моих губ. Я приподнимаю бедра, желая, чтобы эти прикосновения стали интенсивнее, глубже. — Терпение, *ma belle*.

Я дрожу под его крепким телом и свободной рукой пытаюсь ухватиться хоть за что-нибудь, чтобы удержаться.

— Легко тебе говорить, — цежу я сквозь зубы, мои глаза крепко зажмурены, пока я наслаждаюсь тем, что он вытворяет с моим телом.

— Посмотри на меня, — командует он низким голосом. И я смотрю. — Когда ты прижата крепко к моему телу, мои старания не затрахать тебя до беспамятства самое сложное, что я делал в своей жизни. Но я не собираюсь спешить с этим. Я буду наслаждаться каждой секундой процесса.

Я крепче вцепляюсь в простыни.

— Даже если это станет для меня пыткой?

Внезапно он лукаво улыбается мне.

— Да. Даже если для тебя это будет пыткой. Ты еще поблагодаришь меня за это.

Я забрасываю ногу на его бедро, раскачиваюсь и пытаюсь перевернуть его так, чтобы мы могли все делать по-моему. Он смеется, утыкается головой мне в изгиб шеи и с открытым ртом целует меня под ухом.

— Ты сейчас находишься там, где я хочу тебя видеть, — он крепче вжимается в меня, припечатывая бедрами к кровати, чтобы усилить эффект своего заявления.

Поднявшись на колени, он хватает меня за ноги, закидывает их себе на плечи и врезается в меня членом, максимально заполняя.

— Ремингтон! — не удержавшись, кричу я, затем рефлексивно прикрываю рот ладонью, как делаю всегда, когда мы занимаемся сексом, чтобы нас не услышал весь дом.

Он убирает мою руку ото рта и вращает бедрами, вынуждая меня выгнуться над кроватью.

— Здесь никого кроме нас нет. *Боже*, как же мне нравится, что ты не носишь нижнее белье. Иначе я бы сорвал его с тебя, чтобы как можно быстрее добраться до твоей киски.

От его слов жар между ног усиливается, и я вжимаюсь в него, желая почувствовать его еще глубже.

Он продолжает трахать меня, неумолимо и жестко, словно это его последняя миссия на Земле и он хочет убедиться, что выполнил ее максимально хорошо.

— Кричи, Селена.

И я кричу, выкрикиваю его имя, когда мы оба интенсивно кончаем. Затем мы лежим на кровати: наши ноги переплетены, пальцами он поглаживает мои волосы. Но передышка, которую дает мне Ремингтон не длится долго. Не успеваю я прийти в себя, как он притягивает меня к себе на колени и его член снова врывается в меня.

— Мы компенсируем все те случаи, когда мне хотелось трахнуть тебя в разных частях дома, но я не мог, потому что нас могли прервать Адриан или Хоуп. Я люблю наших детей, но, *Боги*, они могут вынудить взрослого мужчину пребывать в подавленном состоянии из-за отсутствия секса.

Я хихикаю и отбрасываю волосы за спину.

— Боже, я так тебя люблю, Ремингтон.

И я не мешаю своему супругу снова и снова выполнять свое недавно данное обещание.

Ремингтон

На следующий день после моего свидания с Селеной, мы решаем, что отвезем Адриана на встречу с Колетт. Таким образом, мы совершим визит и решим все до Рождества, чтобы это не висело над нами черной тучей.

Адриан напряженно застывает, когда Селена наклоняется поговорить с ним.

— Я буду ждать снаружи, хорошо? — говорит Селена, склонив голову, чтоб встретиться с ним взглядом.

— Но я не хочу, чтобы ты уходила, — его маленькая грудь быстро вздымается и опадает, пока он затравленно озирается по сторонам. — Она пыталась убить тебя, мама. Мне она не нравится, ведь она пыталась забрать тебя у меня и у папы.

— Но у нее ничего не вышло, Тигренок. И знаешь что? Никто никогда не заберет меня у тебя. Папа будет рядом с тобой. А я буду сидеть меньше чем в трех метрах от тебя. Хорошо? И если я тебе понадобится, ничто не помешает мне добраться до тебя. Даже огромная дверь, — Селена улыбается и стирает одинокую слезинку, катящуюся по щеке Адриана. — Папа не позволит, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Слышишь?

Адриан часто моргает, его нижняя губа дрожит.

Селена засовывает руку в ворот кардигана и, вытащив ее обратно, протягивает ее к нему и раскрывает ладонь перед его лицом. Цепочка с деревянным кулоном в виде тигра. Селена купила его на рождественской ярмарке на Елисейских полях.

— Знаешь, почему я называю тебя тигренком?

Мой сын проводит ладонью по лицу и качает головой из стороны в сторону. Мне приходится сжать руки в кулаки и крепко прижать их к телу, чтобы не сорваться и не подойти к ним. Сейчас Адриану нужна Селена. Как бы сильно мне ни хотелось, чтобы Селена осталась — ради Адриана и меня — я понимаю, почему она решила не идти с нами. Ранее она объяснила, что хочет, чтобы решение было исключительно за Адрианом. Она предполагает, что если останется, то какое-то бы решение не принял Адриан, на него может повлиять ее присутствие. Я чувствую, как в груди что-то сжимается и меня затапливает тепло. Она переживает о том, как пройдет его встреча с Колетт. Мы не видели ее с тех пор, как ее арестовали перед нашим домом, но она казалась вполне нормальной, когда я в последний раз разговаривал с ней по телефону. Невменяемость исчезла из ее голоса.

— Тигр — символ смелости. Помнишь, как Хоупи просунула голову сквозь прутья кровати и застряла, как она начала плакать, потому что не могла выбраться? Ты забрался к ней в кровать и вытащил один из прутьев, попутно напевая ей песенку. Это был очень смелый поступок. Ты не допустил, чтобы Хоупи поранилась. Если бы тебя там не было, кто знает, что могло бы случиться?

Глаза Адриана широко распахиваются, пока он внимательно смотрит на Селену, впитывая каждое слово, которое она ему говорит. Он кивает.

Затем Адриан переводит взгляд на меня. Его глаза открываются еще шире, когда в комнате раздается звук открывающейся двери.

— Мне страшно, папа.

Я сажая его себе на колени и, обняв за плечи, притягиваю поближе к себе.

— Бояться — это нормально, Адриан. Ты один из самых смелых мальчиков, которых я когда-либо встречал. Я так горжусь тобой. Мне очень повезло, что именно ты мой сын.

Он улыбается и прижимается головкой к моей груди.

После того, как Селена удаляется в комнату ожидания, я продолжаю обнимать своего сына, чувствуя, как напряжение покидает его маленькое тельце с каждым вдохом.

Дверь в комнату, где мы сейчас находимся, открывается, и в проеме появляется женщина, чьи темные волосы уже припорошила седина. Она отходит от двери и бросает взгляд через плечо, когда в дверях появляется Колетт. Маленькая ручка Адриана сжимается вокруг моей руки, и он прижимается ко мне своим напряженным телом.

— Привет, Адриан, — здоровается Колетт, делая робкий шаг вперед, но затем останавливается и внимательно смотрит на моего сына, укрывшегося в безопасности моих объятий. Я смотрю на нее, и мое лицо не выражает никаких эмоций. Никогда в жизни я не прощу ее за тот хаос, что она устроила в моей жизни.

Адриан смотрит на меня, он часто-часто дышит и его нижняя губа дрожит. Он поджимает губы и делает глубокий вдох, а затем выпячивает подбородок.

— Привет, Колетт, — не знаю, чего я ожидал, но наблюдая, как мой сын, подавив свои страхи, встречается лицом к лицу с женщиной, которая причинила нам больше зла, чем добра, моя грудь раздувается от гордости.

Я сжимаю его ладошку, чтобы дать понять, что он отлично справляется, затем настраиваюсь на встречу.

Лицо Колетт искажается, как мне кажется, от боли. Или неудовольствия. Как кто-то может испытывать подобные чувства? Неужели она ожидала, что мой сын станет называть ее мамой после того, как она бросила его еще совсем крохой?

Закусив щеку изнутри, чтобы не сорваться, я крепче обнимаю своего мальчика. Ни за что на свете я не спущу его со своих колен.

Селена

Я чувствую себя счастливой. Это мое второе Рождество во Франции. Мои родители решили провести Рождество в Нью-Йорке в этом году, так как маме нельзя путешествовать в связи с состоянием ее здоровья.

Хоть я и переживала насчет встречи Адриана с его матерью, встреча прошла хорошо. Он молчал всю дорогу домой и большую часть вечера. Позже, когда мы с Ремингтоном укладывали его в постель, он упомянул, как печально выглядела Колетт, и спросил, нормально ли иметь двух матерей. Должно быть, Колетт произвела очень хорошее впечатление на него. Ремингтона, очевидно, его вопрос застал врасплох, так как он бросил на меня взгляд в поисках поддержки. Я взяла маленькие ладошки Адриана в свои и сказала ему, что он может делать что угодно, лишь бы ему было комфортно. Это его решение, а мы будем рядом, если он захочет обсудить любой волнующий его вопрос. Я всегда буду его мамой, несмотря ни на что. Разрушительное ощущение, весь день терзавшее меня, несколько ослабло, отпустив на волю страх и панику.

Он всегда будет моим малышом. Всегда.

Сейчас, сидя между свекровью и своей дочерью, в окружении сына, Люка и мужа, пока мы едим рождественский ужин и смеемся, мое сердце так переполнено чувствами, что готово взорваться. Единственное, чего мне не хватает — моей семьи и Доминика. Вчера вечером он позвонил из Кицбюэля и сказал, что не сможет приехать, так как их завалило снегом. Он присоединится к нам на Новый год.

Вечер прошел отлично. Эстелла приехала пораньше и приготовила большую часть блюд, как и в прошлом году и все прошлые годы, когда мы с Ремингтоном еще не были вместе. Честно говоря, я даже была рада. Про мои кулинарные таланты можно сказать только, что их нет. Ремингтон был более чем рад заняться готовкой после того, как я переехала к ним с Адрианом.

Кульминацией вечера стал момент, когда в дверь позвонил посыльный и вручил Ремингтону две коробки. Маленькая оказалась предназначена Хоуп Эстелле, а большая с несколькими дырками в ней пришла на имя Адриана. Как только наш мальчик разорвал упаковку дрожащими руками, в комнате раздался восторженный вопль. Шоколадного цвета щенок лабрадора с карими глазами и склонностью облизывать всех выскочил из коробки, весело помахивая хвостиком. Люк сказал, что подарок должны были доставить завтра рано утром. Подарком Хоуп оказался огромный белый плюшевый мишка с блестящими карими глазками. Свои подарки мы развернули перед ужином. Мы с Ремингтоном подарили Адриану X-box, а Хоуп коробку разноцветных кубиков. Эстелла подарила внуку подарочную карту в магазин игрушек, а Хоуп она купила забавное маленькое красное платьице с жемчужинками, пришитыми к корсажу.

Подарком Ремингтона оказался офис, расположенный в пяти минутах езды от нашего загородного дома. Этим подарком он намекает, что мне пора начать собственный бизнес, и обещает помочь реализовать мою мечту, которой я брежу последние несколько месяцев. Комната разделена на основной офис и связанную с ним комнату для демонстраций. Он

даже попросил строителей отгородить помещение для детской комнаты. Маленькая кухонька, кабинет и шоу-рум в одном помещении. Я дожидаться не могу, когда смогу посетить это место после праздников.

Я сажусь обратно на стул, потягиваю вино и слушаю разговоры, которые ведутся вокруг меня. Адриан, похоже, увлекся какой-то игрой в мобильном телефоне Люка и время от времени ругается себе под нос, чем заслуживает суровый взгляд от своего отца.

Люк

— Дядя Люк, это твоя девушка? — спрашивает меня Адриан и хмурится. Он морщит нос, пока Пиппа — недавно подаренный ему щенок — сидит на его коленях и лижет ему подбородок, а затем отрывает взгляд от экрана и смотрит на меня. Он попросил меня дать ему поиграть на моем телефоне.

— Девушка? — бормочет себе под нос Ремингтон, глядя на сына. В его голосе слышится удивление, словно ему смешно только от одной мысли, что у меня может быть девушка.

Наверное, так и есть. Я люблю женщин. Люблю прижиматься к их изящным фигуркам своим крепким телом, люблю трахать их и заниматься с ними всякими развратными штучками, если они не против испытать то, что я готов дать им. Мне нравятся и вспыльчивые, и покорные девушки, ведь у них есть нечто общее — киска. Мне нравится доминировать над ними, а моему члену нравится знакомиться с их телами, обладая ими. И когда они в итоге оказываются подо мной, а мой член глубоко в их кисках, они превращаются в то, что можно назвать только одним словом — страстные. Пару раз меня даже величали Богом, и я с гордостью ношу этот титул.

Но свои машины я тоже люблю. Конечно, я не могу их трахнуть, но, *Боже мой*, то чувство, когда я сижу за рулем, можно назвать только истинной силой. Нечто близкое к оргазму, почти похожее на хороший трах, но с большим количеством адреналина.

— Адриан. Телефон.

Резкий голос вырывает меня из моих размышлений о женщинах. Ремингтон сердито смотрит на меня, он весь напряжен.

— Что? — спрашиваю я Ремингтона, пока он хмуро смотрит на меня.

Я пропустил что-то? Я поворачиваюсь к Адриану, который в буквальном смысле уткнулся носом в экран и сосредоточенно прищурил глаза.

— На ней нет одежды. Дядя Люк, а ты помогал ей снять одежду перед сном? Она выглядит такой уставшей, — Адриан еще более хмуро смотрит на экран и поворачивает телефон, чтобы лучше рассмотреть.

Мать ахает и прижимает руку к груди, ее глаза широко распахнуты, а затем она резко зажмуривается.

Я вскакиваю с места и тянусь к телефону.

— Какого черта... — Селена умолкает на полуслове, не закончив предложение, и бросает виноватый взгляд на Адриана, но мальчик не обращает на это никакого внимания.

— *ЧТО?* — рычит Ремингтон и выхватывает телефон из рук сына, прежде чем я успеваю сделать это сам. Он сидит рядом с Адрианом, поэтому его реакция оказывается быстрее моей. Брат сердито смотрит на экран, а затем поднимает голову и хмуро смотрит на меня. — *Какого черта, Люк?!* — его голос звучит низко и угрожающе. И Ремингтону вполне удается напугать меня до чертиков. Пиппа взвизгивает и, соскочив с колен Адриана, убегает прятаться под стол.

— Ремингтон! — журит мужа Селена, закрыв ушки Хоуп Эстеллы ладонями. Мама снова ахает, она округляет глаза и сердито смотрит на Ремингтона. — Следи за языком,

пожалуйста. Адриан, детка, ты не мог бы сбежать наверх и принести покрывальце своей сестрички?

— *Мне жаль, ma belle,* — лицо Ремингтона смягчается и он целует жену в волосы, чтобы не обидеть ее, и виновато улыбается нашей матери.

Затем он разворачивается ко мне и, видя его сердитый взгляд, я отступаю на два шага.

— Люк, — Ремингтон кивает в сторону своего кабинета, разворачивается и, ни слова не говоря, выходит, крепко зажав мой телефон в руке.

Вот черт.

Рождественский ужин можно считать официально завершенным. Мы переходим к сексуальному образованию. Как бы сильно мне не нравился сам процесс, мне абсолютно не по душе ощущение, что у меня зад горит.

Как я мог оказаться настолько беспечным, особенно с учетом того, что нахожусь там, где телефон в пределах досягаемости Адриана?

Я следую за братом в его кабинет. Он стоит у стола со скрещенными на груди руками и смотрит на меня волком.

Закрываю двери и принимаю точно такую же позу.

— Объяснись, — рычит он.

— Мне жаль. Я понятия не имел, что там окажется это фото.

Он крепко зажмуривается и делает глубокий вдох.

— Могу я увидеть фотографию?

Ремингтон резко распахивает глаза.

— Что?

Я стучу кончиком пальца по подбородку и приподнимаю брови.

— Ну, мне нужно знать точно, кто на этом фото.

Он удивленно выгибает брови.

— Скольких женщин ты успел сфотографировать?

Я пожимаю плечами и ухмыляюсь.

— Черт подери, Люк, — он качает головой. — Ты не имеешь права оставлять в телефоне фотографии, где твое лицо оказывается у какой-нибудь девушки между ног, если ты понимаешь, что твой телефон может оказаться в руках у моего сына.

— Что? — не припоминаю, чтобы я делал фотки того, как я ублажаю женщину ртом.

Он снова тяжело вздыхает, затем протягивает мне телефон.

Я забираю его, снимаю блокировку экрана и внимательно смотрю. Я не в силах отвести взгляд, так как в жизни еще не видел более чувственной фотографии. В камеру смотрит маленькая мисс, пожелавшая, чтобы ее трахнули, которая потом сбежала рано утром. Ее лицо покраснелось, а глаза полуприкрыты от наслаждения. Я вижу профиль своего лица, моя голова между ее ног. Руками я крепко удерживаю ее бедра, пальцами впиваясь в нежную кожу.

Черт. Подери.

Она сфоткала нас, пока мы занимались сексом? Это самая возбуждающая картина, которую я когда-либо видел.

Черт. Маленькой Рыжуле нравятся грязные штучки. И она любит делать фотографии.

Чертовски горячо.

Тут я замечаю, что в верхней части экрана мигает желтый конверт. Я щелкаю по значку. «Одно новое сообщение».

И нажимаю «открыть».

«Нравится то, что ты видишь?»

Нравится ли мне то, что я вижу? Да мой член готов выпрыгнуть из джинсов, невзирая на молнию, от одной только мысли о Призрачной Леди. *Ничего* не могу поделать с этим, но мне придется иметь дело с собственным безудержным желанием. Я хочу ее до безумия.

Я должен разыскать ее.

— Она ошеломительная, — бормочет Ремингтон, наблюдая за мной.

В ушах начинает шуметь кровь. Грудь сдавливает от ревности, когда я понимаю, что брат успел бросить взгляд на нее, хотя эта фотография предназначалась исключительно для моих глаз. Его губы изгибаются, очевидно, он развлекается за мой счет.

— Сотри этот образ из памяти, — цежу я сквозь зубы, запикиваю телефон в карман джинсов и выхожу из комнаты под звуки его тихого смеха.

Новый год. Новая цель. Новый вызов, который следует принять.

Я хочу повторения той ночи и собираюсь разыскать ее. Даже если это будет означать, что мне придется выследить ее самому.

Я обязательно разыщу ее.

Ремингтон

Я выхожу из кабинета и возвращаюсь в гостиную. Хоуп переместилась с колен Селены на колени моей матери. Адриан сидит рядом с бабушкой, зажав в руках Пиппу. Хоуп тянет ручонку и, схватившись пальчиками за собачий мех, тянет его, отчего щенок взвизгивает. Адриан хмуро смотрит на сестренку, затем начинает учить ее, как правильно обращаться с собакой.

Взгляд Селены устремляется на меня, когда я сажусь в кресло рядом с ней.

— Люк жив, значит, вам двоим удалось разрешить все вопросы, да? — спрашивает она, тянется к столу за бокалом вина и подносит его к губам, стараясь скрыть улыбку.

Я кладу руку ей на шею и нежно сжимаю ее сзади.

— Ты гораздо красивее, когда улыбаешься.

— Лесть не поможет мне забыть о вопросе, — она делает глоток вина и улыбается мне. — Расскажи мне все.

— Люк только что встретил свою вторую половинку и, зная его, он весь мир перевернет, чтобы найти ее.

— Значит все дело в женщине. По этой причине он напился два дня назад?

Я киваю и продолжаю рассказывать ей то немногое, что знаю о своем брате и рыжеволосой девушке, которая поставила перед Люком новую цель в жизни. Бросила ему вызов.

— Девушка явно не подозревает, что ее ждет, — говорит Селена со смешком. — Малыш, я когда-нибудь говорила тебе, какой ты сексуальный, когда включаешь инстинкт защитника?

Я вопросительно выгибаю бровь и улыбаюсь.

— Так тебе нравится, когда я веду себя, как пещерный человек?

Селена кивает, ее глаза светятся весельем.

— Мне очень хочется поиграть с тобой снова, чтобы показать, насколько я возбудилась.

Боже, мой член полностью согласен с ней. Меня начинает потряхивать от мысли, что тело моей женщины окажется прижато к моему. Мне всегда будет ее мало, это не подлежит сомнению.

— Может, нам отправить всех спать?

Она улыбается, смотрит на сидящих вокруг стола и затем подмигивает мне.

— Давай я уложу Хоуп. Потом сможем обсудить стратегию, — она встает с кресла, забирает у моей матери малышку и направляется к лестнице.

Люк входит в гостиную, садится на место Селены и устремляет на меня взгляд. Я выгибаю бровь, глядя на него, и ухмыляюсь, чем заслуживаю суровый взгляд от матери, и слова, вертевшиеся у меня на кончике языка, замирают.

Везучий ублюдок. Что ж, завтра будет новый день, и наша мать не всегда будет рядом, чтобы защитить его нахальную задницу.

Мама наклоняется, накрывает ладонь Люка своей и легонько сжимает, чтобы привлечь его внимание. Хмурое выражение его лица исчезает, сменившись теплым и полным любви,

когда он переводит взгляд на нашу мать.

Маменькин сынок.

Я давлюсь смехом, поэтому вынужден быстро прокашляться, когда мама хмуро смотрит на меня.

— *Сынок*, — говорит она, глядя Люку в лицо, — если она та самая, она вернется к тебе. Если же нет, что же, твоя вторая половинка все равно скоро появится.

Люк сводит брови вместе, словно обдумывает ее слова. Он делает глубокий вдох, затем тяжело выдыхает, поднимает свободную руку и проводит ею по волосам. Его огорчение очевидно, хотя он пытается скрыть его за ободряющей улыбкой.

— Забудь о своих машинах и сосредоточься на том, что ты чувствуешь, Люк. Я никогда еще не видела тебя таким. Если она та самая, то ради нее стоит взобраться на любую гору и заявить на нее свои права. Борись за нее, — мягко напутствует мать. — Знаешь, нам женщинам нравится, когда мужчина показывает, как далеко он может зайти, пытаюсь завоевать наше внимание.

Люк выпрямляется в кресле, на его лице появляется решимость.

Довольная, что высказала свою точку зрения, мама похлопывает его по руке и откидывается на спинку кресла, после чего поворачивает голову ко мне. Она улыбается, от нее волнами исходит искренняя радость, когда она кивает на диван, где уютно устроились Адриан с Пиппой. Я слышу, как Селена напевает наверху, как и обычно, когда готовится уложить нашу девочку спать.

— Я так счастлива за тебя, сынок.

— Я тоже, мама. Я там, где хочу быть. Где всегда и хотел быть.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

*** КОНЕЦ ***